

Кн. Н. С. Трубецкой

ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ

Не безъ внутренняго волненія выпускаю я въ свѣтъ предлагаемую работу. Мысли, высказанныя въ ней, сложились въ моемъ сознаніи уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я много разговаривалъ на эти темы съ разными людьми, желая либо провѣрить себя, либо убѣдить другихъ. Многіе изъ этихъ разговоровъ и споровъ оказались весьма полезными для меня, такъ какъ заставили меня болѣе детально продумать и углубить мои мысли и аргументы. Но основныя мои положенія остались безъ измѣненія. Конечно, случайными разговорами ограничиться было невозможно, и для того, что бы провѣрить правильность защищаемыхъ мною мыслей, ихъ надо было подвергнуть болѣе широкому обсужденію, т. е. опубликовать ихъ. Этого я до сихъ поръ не сдѣлалъ. Не дѣлалъ же я этого потому, что особенно первое время изъ многочисленныхъ разговоровъ я вынесъ впечатлѣніе, что большинство людей, съ которыми приходилось встрѣчаться, просто не понимаютъ моихъ мыслей. И не понимаютъ не потому, что бы я выражался неудобопонятно, а потому, что для большинства европейски образованныхъ людей эти мысли почти органи-

чески непріємлемы, какъ противорѣчація какимъ-то непоколебимымъ психологическимъ устоямъ, на которыхъ покоится европейское мышленіе. Меня считали любителемъ парадоксовъ, мои разсужденія — оригинальничаньемъ. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ споръ утрачивалъ для меня всякій смыслъ и пользу, ибо споръ можетъ быть продуктивенъ лишь тогда, когда обѣ стороны взаимно понимаютъ другъ друга и говорятъ на одномъ языкѣ. А т. к. я въ то время встрѣчалъ почти исключительно непониманіе, то я не считалъ своевременнымъ обнародованіе своихъ мыслей, выжидая болѣе благопріятнаго момента. Если же теперь я всетаки рѣшаюсь выступить печатно, то это потому, что за послѣднее время я, среди своихъ собесѣдниковъ, все чаще и чаще встрѣчаю не только пониманіе, но и согласіе съ моими основными положеніями. Оказывается, что многіе уже пришли къ тѣмъ же выводамъ, что и я, совершенно самостоятельно. Очевидно, въ мышленіи многихъ образованныхъ людей произошелъ нѣкоторый сдвигъ. Великая Война, а особенно послѣдовавшій за нею „миръ“, который и до сихъ поръ приходится писать въ ковычкахъ, поколебали вѣру въ „цивилизованное человѣчество“ и раскрыли глаза многимъ. Мы, русскіе, конечно находимся въ особомъ положеніи. Мы были свидѣтелями того, какъ внезапно рухнуло то, что мы называли „Русскою культурой.“ Многихъ изъ насъ поразила та быстрота и легкость, съ которой это совершилось, и многіе задумались надъ причинами этого явленія. Быть можетъ, предлагаемая брошюра поможетъ кое кому изъ моихъ соотечественниковъ разобраться въ своихъ собственныхъ размышленіяхъ по этому поводу. Нѣкоторыя мои положенія можно было бы обильно иллюстрировать примѣрами изъ русской исторіи и русской дѣйствительности. Отъ этого

изложеніе стало бы, можетъ быть, занимательнѣе и живѣе. Но ясность общаго плана отъ такихъ отступленій, конечно, пострадала бы. А между тѣмъ, предлагая читателю сравнительно новыя мысли, я болѣе всего дорожилъ тѣмъ, чтобы представить ихъ въ наиболѣе ясной и послѣдовательной формѣ. Къ тому же мои размышленія касаются не только русскихъ, но и всѣхъ другихъ народовъ, такъ или иначе воспринявшихъ европейскую культуру, не будучи сами ни романцами, ни германцами по происхожденію. И если я выпускаю свою книгу въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, такъ это просто потому, что „своя рубашка ближе къ тѣлу“, и что для меня болѣе всего важно, чтобы мои мысли были восприняты и усвоены именно моими соотечественниками.

Предлагая свои мысли вниманію читателей, я тѣмъ самымъ желалъ бы поставить передъ этими читателями проблему, которую каждый *долженъ* разрѣшить для себя лично. Одно изъ двухъ. Или защищаемыя мною мысли *ложны*, — но тогда ихъ нужно опровергнуть логически, или эти мысли *истинны* — но тогда надо сдѣлать изъ нихъ практическіе выводы.

Признаніе правильности тѣхъ положеній, которыя изложены въ настоящей брошюрѣ, обязываетъ всякаго къ дальнѣйшей работѣ. Принявъ эти положенія ихъ надо развить и конкретизировать въ приложеніи къ дѣйствительности, пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія цѣлый рядъ вопросовъ, выдвинутыхъ и выдвигаемыхъ жизнью. „Переоцѣнкой цѣнностей“ такъ или иначе заняты сейчасъ очень многіе. Для тѣхъ, кто приметъ защищаемыя мной положенія, эти послѣднія явятся однимъ изъ указаній на то направленіе, въ которомъ должна вестись эта переоцѣнка. Не подлежитъ сомнѣнію, что та работа, какъ теоретическая, такъ и практическая, которая вытекаетъ изъ при-

нїтя основныхъ положенїй, должна быть работой коллективной. Бросить опредѣленную мысль, поднять извѣстное знамя — можетъ одинъ. Но разрабатывать цѣлую систему, основанную на этой мысли, прилагать эту мысль на практикѣ — должны многіе. Къ этой то коллективной работѣ я и призываю всѣхъ тѣхъ, кто раздѣляетъ мои убѣжденїя. Что такіе люди есть, — въ этомъ я убѣдился, благодаря нѣсколькимъ случайнымъ встрѣчамъ. Имъ нужно только сплотиться для дружной совмѣстной работы. И если моя брошюра послужить толчкомъ или средствомъ къ этому объединенію, я буду считать свою цѣль достигнутой.

Съ другой стороны извѣстныя моральныя обязательства возлагаются и на тѣхъ, кто отвергнетъ мои положенїя, какъ ложныя. Вѣдь если защищаемыя мною мысли дѣйствительно ложны, то онѣ *вредны* и нужно постараться опровергнуть ихъ; а т. к. (смѣю надѣяться) доказаны онѣ логически, то не менѣе логически онѣ должны быть и опровергнуты. Это необходимо сдѣлать ради спасенїя отъ заблужденїя тѣхъ, кто въ эти мысли повѣрилъ. Самъ авторъ, безъ всякаго сожалѣнїя, навсегда отброситъ отъ себя эти непрїятныя, безпокойныя мысли, которыя уже болѣе 10-ти лѣтъ преслѣдуютъ его, если только кто нибудь логически докажетъ ему, что онѣ не вѣрны.

Всѣхъ, кто такъ или иначе отзовется на мою брошюру, прошу присылать оттиски, вырѣзки или просто письма, по адресу: Болгарія, София. Университетъ. Историко-филологически факултетъ. За Господина Доцентъ Н. С. Трубецкой. (Bulgarie, Sofia, Université, Faculté des Lettres, Mr N. Troubetzkoy, docent).

I.

Позиціи, которыя можетъ занять каждый европеецъ по отношенію къ національному вопросу, довольно многочисленны, но всѣ онѣ расположены между двумя крайними предѣлами: шовинизмомъ съ одной и космополитизмомъ съ другой стороны. Всякій націонализмъ есть какъ бы синтезъ элементовъ шовинизма и космополитизма, опытъ примиренія этихъ двухъ противоположностей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что европейцу шовинизмъ и космополитизмъ представляются именно такими противоположностями, принципиально, въ корнѣ отличными одна отъ другой точками зрѣнія.

Между тѣмъ, съ такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Стоитъ пристальнѣе всмотрѣться въ шовинизмъ и въ космополитизмъ, чтобы замѣтить, что принципиальнаго, коренного различія между ними нѣтъ, что это есть не болѣе, какъ двѣ ступени, два различныхъ аспекта одного и того же явленія.

Шовинистъ исходитъ изъ того апріорнаго положенія, что лучшимъ народомъ въ мірѣ является именно его народъ. Культура, созданная его народомъ, лучше, совершеннѣе всѣхъ остальныхъ культуръ. Его народу одному принадлежитъ право первенствовать и господствовать надъ другими народами, которые должны под-

чиниться ему, принявъ его вѣру, языкъ и культуру и слиться съ нимъ. Все, что стоитъ на пути къ этому конечному торжеству великаго народа, должно быть сметено силой. Такъ думаетъ шовинистъ, и, согласно съ этимъ, онъ и поступаетъ.

Космополитъ отрицаетъ различія между національностями. Если такія различія есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человѣчество должно быть едино и имѣть единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться къ ней и, войдя въ семью цивилизованныхъ народовъ, идти съ ними вмѣстѣ по одному пути мірового прогресса. Цивилизація есть высшее благо, во имя котораго надо жертвовать національными особенностями.

Въ такой формулировкѣ шовинизмъ и космополитизмъ, дѣйствительно, какъ будто рѣзко отличаются другъ отъ друга. Въ первомъ господство постулируется для культуры одной этнографически-антропологической особи, во второмъ — для культуры сверхъ этнографическаго человѣчества.

Однако, посмотримъ, какое содержаніе вкладываютъ европейскіе космополиты въ термины „цивилизация“ и „цивилизованное человѣчество“? Подъ „цивилизацией“ они разумѣютъ ту культуру, которую въ совмѣстной работѣ выработали романскіе и германскіе народы Европы. Подъ цивилизованными народами — прежде всего опять таки тѣхъ же романцевъ и германцевъ, а затѣмъ и тѣ другіе народы, которые приняли европейскую культуру.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что та культура, которая по мнѣнію космополитовъ должна господствовать въ мірѣ, упразднивъ всѣ прочія культуры, есть

культура такой же опредѣленной этнографически-антропологической единицы, какъ и та единица, о господствѣ которой мечтаетъ шовинистъ. Принципіальной разницы тутъ никакой нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, національное, этнографически-антропологическое и лингвистическое единство каждаго изъ народовъ Европы является лишь носителемъ. Каждый изъ этихъ народовъ представляетъ собою соединеніе разныхъ болѣе мелкихъ этническихъ группъ, имѣющихъ свои діалектическія культурныя и антропологическія особенности, но связанныхъ другъ съ другомъ узами родства и общей исторіи, создавшей нѣкій общій для всѣхъ ихъ запасъ культурныхъ цѣнностей. Такимъ образомъ, шовинистъ, провозглашающій свой народъ вѣнцомъ созданія и единственнымъ носителемъ всѣхъ возможныхъ совершенствъ, на самомъ дѣлѣ является поборникомъ цѣлой группы этническихъ единицъ. Мало того, вѣдь шовинистъ хочетъ, чтобы и другіе народы слились съ его народомъ, утративъ свою національную фізіономію. Ко всѣмъ представителямъ другихъ народовъ, которые уже такъ поступили, утратили свой національный обликъ и усвоили языкъ, вѣру и культуру его народа, шовинистъ будетъ относиться, какъ къ своимъ людямъ, будетъ восхвалять тѣ вклады въ культуру его народа, которые будутъ сдѣланы этими людьми, конечно только, если они вѣрно усвоили тотъ духъ, который ему симпатиченъ, и сумѣли вполне отрѣшиться отъ своей прежней національной психологіи. Къ такимъ инородцамъ, ассимилировавшимся съ господствующимъ народомъ, шовинисты всегда относятся нѣсколько подозрительно, особенно если ихъ пріобщеніе совершилось не очень давно, но принципіально ихъ ни одинъ шовинистъ не отвергаетъ: мы знаемъ даже, что среди европейскихъ шовинистовъ есть немало людей,

которые своими фамиліями и антропологическими признаками ясно показываютъ, что по происхожденію они вовсе не принадлежать къ тому народу, господство котораго они такъ пламенно проповѣдываютъ.

Если мы возьмемъ теперь европейскаго космополита, то увидимъ, что, по существу, онъ не отличается отъ шовиниста. Та „цивилизациа“, та культура, которую онъ считаетъ наивысшей и передъ которой, по его мнѣнію, должны ступаться всѣ прочія культуры, тоже представляетъ собою извѣстный запасъ культурныхъ цѣнностей, общій нѣсколькимъ народамъ, связаннымъ другъ съ другомъ узами родства и общей исторіей. Какъ шовинистъ отвлекается отъ частныхъ особенностей отдѣльныхъ этническихъ группъ, входящихъ въ составъ его народа, такъ и космополитъ отбрасываетъ особенности культуръ отдѣльныхъ романо-германскихъ народовъ и беретъ только то, что входитъ въ ихъ общій культурный запасъ. Онъ тоже признаетъ культурную цѣнность за дѣятельностью тѣхъ не-романогерманцевъ которые вполнѣ восприняли цивилизацию романогерманцевъ, отбросивъ отъ себя все, что противорѣчитъ духу этой цивилизаци и промѣнявъ свою національную физиономію на общероманогерманскую. Точъ въ точъ, какъ шовинистъ, считающій „своими“ тѣхъ инородцевъ и иностранцевъ, которые сумѣли вполнѣ ассимилироваться съ господствующимъ народомъ! Даже та враждебность, которую испытываютъ космополиты по отношенію къ шовинистамъ и вообще къ тѣмъ началамъ, которыя обобщаютъ культуру отдѣльныхъ романогерманскихъ народовъ, даже эта враждебность имѣетъ параллель въ міросозерцаніи шовинистовъ. Именно, шовинисты всегда враждебно настроены ко всякимъ попыткамъ сепаратизма, исходящимъ изъ отдѣльныхъ частей ихъ народа. Они

стараются стереть, затушевать всё тѣ мѣстныя особенности, которыя могутъ нарушить единство ихъ народа.

Такимъ образомъ, параллелизмъ между шовинистами и космополитами оказывается полнымъ. Это по существу одно и тоже отношеніе въ культурѣ той этнографически-антропологической единицы, къ которой данный человекъ принадлежитъ. Разница лишь въ томъ, что шовинистъ беретъ болѣе тѣсную этническую группу, чѣмъ космополитъ; но при этомъ шовинистъ все-же беретъ группу не вполне однородную, а космополитъ, со своей стороны, все-же беретъ опредѣленную этническую группу.

Значить, разница только въ степени, а не въ принципѣ.

При оцѣнкѣ европейскаго космополитизма надо всегда помнить, что слова „человѣчество“, „общечеловѣческая цивилизація“ и прочее являются выраженіями крайне не точными и что за ними скрываются очень опредѣленные этнографическія понятія. Европейская культура не есть культура человѣчества. Это есть продуктъ исторіи опредѣленной этнической группы. Германскія и кельтскія племена, подвергшіяся въ различной пропорціи воздѣйствію римской культуры и сильно перемѣшавшіяся между собой создали извѣстный общій укладъ жизни изъ элементовъ своей національной и римской культуры. Въ силу общихъ этнографическихъ и географическихъ условій они долго жили одною общей жизнію, въ ихъ бытѣ и исторіи, благодаря постоянному общенію другъ съ другомъ, общіе элементы были настолько значительны, что чувство романогерманскаго единства безсознательно всегда жило въ нихъ. Со временемъ, какъ у столь многихъ другихъ народовъ, у нихъ проснулася жажда изучать источники ихъ культуры. Столкновеніе съ памятниками римской и греческой культуры вынесло

на поверхность идею сверхнациональной, мировой цивилизации, идею свойственную грекоримскому міру. Мы знаемъ, что эта идея была основана опять таки на этнографически-географическихъ причинахъ. Подъ „всѣмъ міромъ“ въ Римѣ, конечно, разумѣли лишь Orbis terrarum, то есть народы, населявшіе бассейнъ Средиземнаго моря или тянувшіе къ этому морю, выработавшіе въ силу постоянного общенія другъ съ другомъ рядъ общихъ культурныхъ цѣнностей и, наконецъ, объединившіеся благодаря нивелирующему воздѣйствію греческой и римской колонизации и римскаго военнаго господства. Какъ бы то ни было, античныя космополитическія идеи сдѣлались въ Европѣ основой образованія. Попавъ на благоприятную почву безсознательнаго чувства романо-германскаго единства, онѣ и породили теоретическія основанія такъ называемаго европейскаго „космополитизма“, который правильнѣе было бы называть откровенно *общероманогерманскимъ шовинизмомъ*.

Вотъ реальныя историческія основанія европейскихъ космополитическихъ теорій. Психологическое же основаніе космополитизма — тоже самое, что и основаніе шовинизма. Это разновидность того безсознательнаго предразсудка, той особой психологіи, которую лучше всего назвать *эгоцентризмомъ*. Человѣкъ съ ярко выраженной эгоцентрической психологіей безсознательно считаетъ себя центромъ вселенной, вѣнцомъ созданія, лучшимъ, най-болѣе совершеннымъ изъ всѣхъ существъ. Изъ двухъ другихъ существъ, то, которое къ нему ближе, болѣе на него похоже, — лучше, а то, которое дальше отстоитъ отъ него, — хуже. Поэтому, всякая естественная группа существъ, къ которой этотъ человекъ принадлежитъ, признается имъ самой совершенной. Его семья, его сословіе, его народъ, его племя, его раса

— лучше всѣхъ остальныхъ, подобныхъ имъ. Точно также, та порода, къ которой онъ принадлежитъ, именно, человѣческая порода—совершеннѣе всѣхъ другихъ видовъ млекопитающихъ, сами млекопитающіе — совершеннѣе другихъ позвоночныхъ животныхъ, животные, въ свою очередь — совершеннѣе растений, а органическій міръ — совершеннѣе неорганическаго. Отъ этой психологіи, въ томъ или иномъ объемѣ, никто не свободенъ. Наука сама еще не вполнѣ освободилась отъ нея и всякое завоеваніе науки на пользу къ освобожденію отъ эгоцентрическихъ предразсудковъ дается съ величайшими затрудненіями.

Эгоцентрическая психологія проникаетъ все міросозерцаніе весьма многихъ людей. Вполнѣ освободиться отъ нея рѣдко кому удастся. Но крайнія ея проявленія легко замѣтны, нелѣпость ихъ очевидна, и потому они обыкновенно вызываютъ осужденіе, протестъ или насмѣшки. Человѣкъ, увѣренный въ томъ, что онъ всѣхъ умнѣе, всѣхъ лучше, и что все у него хорошо, подвергается насмѣшкамъ окружающихъ, а если онъ при этомъ агрессивенъ, получаетъ и заслуженные щелчки. Семьи, наивно убѣжденные въ томъ, что всѣ ихъ члены геніальны, умны и красивы, обыкновенно служатъ посмѣшищемъ для своихъ знакомыхъ, рассказывающихъ о нихъ забавные анекдоты. Такія крайнія проявленія эгоцентризма рѣдки и обыкновенно встрѣчаютъ отпоръ. Иначе обстоитъ дѣло, когда эгоцентризмъ распространяется на болѣе широкую группу лицъ. Здѣсь отпоръ тоже обыкновенно имѣется, но сломить такой эгоцентризмъ труднѣе. Чаше всего дѣло разрѣшается борьбой двухъ эгоцентрически настроенныхъ группъ при чемъ побѣдитель остается при своемъ убѣжденіи. Это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, при классовой или соціальной борьбѣ.

Буржуазія, свергающая аристократію, столь же увѣрена въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми прочими сословіями, какъ и свергнутая ею аристократія. Пролетаріатъ, борющійся съ буржуазіей, тоже считаетъ себя „солью земли“, лучшимъ изъ всѣхъ классовъ народа. Впрочемъ; тутъ эгоцентризмъ все таки ясенъ, и люди съ болѣе сознательной головой, болѣе „широкіе“, умѣютъ обыкновенно возвышаться надъ этими предрасудками. Труднѣе освободиться отъ тѣхъ же предрасудковъ, когда дѣло идетъ объ этническихъ группахъ. Здѣсь люди оказываются чуткими къ пониманію истинной сущности эгоцентрическихъ предрасудковъ далеко не въ равной мѣрѣ. Многие пруссаки-пангерманцы рѣзко осуждаютъ своихъ единоплеменниковъ пруссаковъ, превозносящихъ прусскій народъ передъ всѣми другими нѣмцами, и считаютъ ихъ „квасной патріотизмъ“ смѣшнымъ и узкимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе, что нѣмецкое племя въ цѣломъ есть наивысшее достиженіе, цвѣтъ человѣчества — не вызываетъ въ ихъ умѣ никакого сомнѣнія и до романогерманскаго шовинизма, такъ называемаго космополитизма, они не могутъ подняться. Но пруссакъ-космополитъ одинаково возмущается своимъ соотечественникомъ-пангерманцемъ, клеймитъ его направленіе какъ узкій шовинизмъ, а самъ не замѣчаетъ, что онъ самъ такой же шовинистъ, только не нѣмецкій, а общероманогерманскій. Такимъ образомъ, здѣсь дѣло только въ степени чуткости: одинъ немного сильнѣе чувствуетъ эгоцентрическую основу шовинизма, другой немного слабѣе. Во всякомъ случаѣ чуткость европейцевъ по этому вопросу весьма относительна. Дальше такъ называемаго космополитизма, т. е. романогерманскаго шовинизма, рѣдко кто поднимается. Европейцевъ же, которые признавали бы культуры такъ называемыхъ „дикарей“ равноцѣнными съ культурой

романогерманской — такихъ европейцевъ мы не знаемъ вовсе. Кажется, ихъ просто нѣтъ.

* * *

Изъ предъидущаго совершенно ясно, какъ долженъ относиться добросовѣстный романогерманецъ къ шовинизму и къ космополитизму. Онъ долженъ сознать, что какъ тотъ, такъ и другой основаны на эгоцентрической психологіи. Долженъ сознать, что эта психологія есть начало нелогическое, а потому не можетъ служить базой для какой либо теоріи. Мало того, ему нетрудно понять, что эгоцентризмъ по существу антикультуренъ и антисоціаленъ, что онъ препятствуетъ общежитію въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. свободному общенію всякихъ существъ. Ясно должно быть всякому, что тотъ или иной видъ эгоцентризма можетъ быть оправданъ только силой, что, какъ сказано выше, онъ есть всегда удѣлъ лишь побѣдителя. Потому то и не идутъ европейцы дальше своего общероманогерманскаго шовинизма, что силой побѣдить любой народъ можно, но все романогерманское племя въ своемъ цѣломъ настолько физически сильно, что его никто силой не побѣдитъ.

Но лишь только все это дойдетъ до сознанія предполагаемаго нами чуткаго и добросовѣстнаго романогерманца, какъ въ его душѣ сейчасъ же произойдетъ коллизія. Вся его духовная культура, все его міросозерцаніе основаны на вѣрѣ въ то, что безсознательная душевная жизнь и всѣ предрасудки, основанные на этой душевной жизни, должны уступать мѣсто передъ указаніями разума, логики, что только на логическихъ научныхъ основаніяхъ можно строить какія либо теоріи. Все его правосознаніе основано на отверженіи тѣхъ на-

чалъ, которые препятствуютъ свободному общенію между людьми. Вся его этика отвергаетъ рѣшеніе вопросовъ грубой силой. И вдругъ оказывается, что космополитизмъ основанъ на эгоцентризмѣ! Космополитизмъ, эта вершина романогерманской цивилизаціи, покоится на такихъ основаніяхъ, которыя кореннымъ образомъ противорѣчатъ всѣмъ основнымъ лозунгамъ этой цивилизаціи. Въ основѣ космополитизма, этой религіи общечеловѣческой, оказывается антикультурное начало — эгоцентризмъ. Положеніе трагическое, но выходъ изъ него только одинъ. Добросовѣстный романогерманецъ долженъ навсегда отказаться какъ отъ шовинизма, такъ и отъ, такъ называемаго, космополитизма, а слѣдовательно и отъ всѣхъ тѣхъ взглядовъ на національный вопросъ, которые занимаютъ среднее положеніе между этими двумя крайними точками.

Но какое положеніе по отношенію къ европейскому шовинизму и космополитизму должны занять не-романо-германцы, представители тѣхъ народовъ, которые не участвовали съ самого начала въ созданіи т. наз. европейской цивилизаціи.

Эгоцентризмъ заслуживаетъ осужденія не только съ точки зрѣнія одной европейской романогерманской культуры, но и съ точки зрѣнія всякой культуры, ибо это есть начало антисоціальное, разрушающее всякое культурное общеніе между людьми. Поэтому, если среди не-романогерманскаго народа имѣются шовинисты, проповѣдующіе, что ихъ народъ — народъ избранный, что его культурѣ всѣ прочіе народы должны подчиниться — то съ такими шовинистами слѣдуетъ бороться всѣмъ ихъ единоплеменникамъ. Но какъ быть, если въ такомъ народѣ появятся люди, которые будутъ проповѣдывать господство въ мірѣ не своего народа, а какого нибудь

другого, иностраннаго народа, своимъ же соплеменникамъ будутъ предлагать во всемъ ассимилироваться съ этимъ „міровымъ народомъ“. Вѣдь въ такой проповѣди никакого эгоцентризма не будетъ, — наоборотъ, будетъ высшій эксцентризмъ. Слѣдовательно, осудить ее совершенно такъ же, какъ осуждается шовинизмъ — невозможно. Но, съ другой стороны, развѣ сущность ученія не важнѣ личности проповѣдника? Если бы господство народа А надъ В проповѣдывалъ представитель народа А, это было бы шовинизмомъ, проявленіемъ эгоцентрической психологіи, и такая проповѣдь должна была бы встрѣчать законный отпоръ какъ среди В, такъ и среди А. Но неужели все дѣло совершенно измѣнится, лишь только къ голосу представителя народа А присоединится представитель народа В?—Конечно нѣтъ; шовинизмъ останется шовинизмомъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всемъ этомъ предполагаемомъ эпизодѣ является, конечно, представитель народа А. Его устами говорить воля къ поработенію, истинный смыслъ шовинистическихъ теорій. Наоборотъ, голосъ представителя народа В, можетъ быть, и громче, но, по существу, менѣ значителенъ. Представитель В лишь повѣрилъ аргументу представителя А, увѣровалъ въ силу народа А, далъ увлечь себя, а, можетъ быть, и просто былъ подкупленъ. Представитель А ратуетъ за себя, представитель В — за другого: устами В, въ сущности, говорить А, и поэтому мы всегда въ правѣ разсматривать такую проповѣдь, какъ тотъ же замаскированный шовинизмъ.

Всѣ эти разсужденія, въ общемъ, довольно безцѣльны. Такія вещи не стоитъ долго и логически доказывать. Всякому ясно, какъ бы онъ отнесся къ своему соплеменнику, если бы тотъ сталъ проповѣдывать, что его народу слѣдуетъ отречься отъ родной вѣры, языка, куль-

туры и постараться ассимилироваться съ сосѣднимъ народомъ—скажемъ, съ народомъ X. Всякій, конечно, отнесся бы къ такому человѣку либо какъ къ сумасшедшему, либо какъ къ одураченному народомъ X типу, утратившему всякое національное самолюбіе, либо, наконецъ, какъ къ эмиссару народа X, присланному вести пропаганду за соотвѣтствующее вознагражденіе. Во всякомъ случаѣ, за спиной этого господина, всякій, конечно, заподозрѣлъ бы шовиниста изъ народа X, руководящаго сознательно или безсознательно его словами. Наше отношеніе къ такой проповѣди опредѣлялось бы отнюдь не тѣмъ, что она исходитъ отъ соотечественника: мы бы смотрѣли на нее непремѣнно, какъ на исходящую отъ того народа, господство котораго въ данномъ случаѣ проповѣдуется. Что наше отношеніе къ подобной проповѣди не можетъ не быть самымъ отрицательнымъ, въ этомъ сомнѣваться не приходится. Ни одинъ нормальный народъ въ мірѣ, особенно народъ организованный въ государство, не можетъ добровольно допустить уничтоженія своей національной фیزیоміи во имя ассимиляціи, хотя бы съ болѣе совершеннымъ народомъ. На шовинистическія домогательства иностранцевъ всякій уважающій себя народъ отвѣтитъ вмѣстѣ съ Леонидомъ спартанскимъ: „приди и возьми“ и будетъ отстаивать свое національное существованіе съ оружіемъ въ рукахъ, хотя бы пораженіе было неминуемо.

Все это кажется очевиднымъ, а между тѣмъ въ мірѣ есть масса фактовъ, противорѣчащихъ всему этому. Европейскій космополитизмъ, который, какъ мы видѣли выше, есть ничто иное, какъ общероманогерманскій шовинизмъ, распространяется среди не-романогерманскихъ народовъ съ большою быстротою и съ весьма незначительными затрудненіями. Среди славянъ, арабовъ, турокъ,

индусовъ, китайцевъ и японцевъ такихъ космополитовъ уже очень много. Многіе изъ нихъ даже гораздо ортодоксальнѣе, чѣмъ ихъ европейскіе собратья, въ отверженіи національныхъ особенностей, въ презрѣніи ко всякой не романогерманской культурѣ и проч. .

Чѣмъ объясняется это противорѣчіе? Почему общероманогерманскій шовинизмъ имѣетъ безспорный успѣхъ у славянъ, тогда какъ достаточно малѣйшаго намека на германофильскую пропаганду, чтобы заставить славянина насторожиться? Почему русскій интеллигентъ съ возмущеніемъ отвергаетъ мысль о томъ, что онъ можетъ служить орудіемъ нѣмецкихъ юнкеровъ-націоналистовъ, между тѣмъ какъ подчиненіе общероманогерманскимъ шовинистамъ того-же русскаго интеллигента не страшить?

Разгадка кроется, конечно, въ гипнозѣ словъ.

Какъ сказано выше, романогерманцы были всегда столь наивно увѣрены въ томъ, что только они — люди, что называли себя „человѣчествомъ“, свою культуру — „общечеловѣческой цивилизаціей“, и, наконецъ, свой шовинизмъ — „космополитизмомъ“. Этой терминологіей они сумѣли замаскировать все то реальное этнографическое содержаніе, которое, на самомъ дѣлѣ, заключается во всѣхъ этихъ понятіяхъ. Тѣмъ самымъ, всѣ эти понятія сдѣлались пріемлемыми для представителей другихъ этническихъ группъ. Передавая иноплеменнымъ народамъ тѣ произведенія своей матеріальной культуры, которыя больше всего можно назвать универсальными (предметы военного снаряженія и механическія приспособленія для передвиженія) — романогерманцы вмѣстѣ съ ними подсовываютъ и свои „универсальныя“ идеи и подносятъ ихъ именно въ такой формѣ, съ тщательнымъ замазываніемъ этнографической сущности этихъ идей.

Итакъ, распространіе т. наз. европейскаго космополитизма среди не-романогерманскихъ народовъ есть чистое недоразумѣіе. Тѣ, кто поддался пропагандѣ романогерманскихъ шовинистовъ, были введены въ заблужденіе словами „человѣчество“, „общечеловѣчскій“, „цивилизациа“, „міровой прогрессъ“ и проч. Всѣ эти слова были поняты буквально, тогда какъ за ними, на самомъ дѣлѣ, скрываются очень опредѣленныя и весьма узкія этнографическія понятія.

Одураченные романогерманцами „интеллигенты“ не романогерманскихъ народовъ должны понять свою ошибку. Они должны понять, что та культура, которую имъ поднесли подъ видомъ общечеловѣческой цивилизациі, на самомъ дѣлѣ, есть культура лишь опредѣленной этнической группы романскихъ и германскихъ народовъ. Это прозрѣніе, разумѣется, должно значительно измѣнить ихъ отношеніе къ культурѣ собственнаго народа и заставить ихъ призадуматься надъ тѣмъ, правы ли они, стараясь, во имя какихъ-то „общечеловѣческихъ“ (а, на самомъ дѣлѣ, романогерманскихъ, т. е. иностранныхъ) идеаловъ, навязывать своему народу чужую культуру и искоренять въ немъ черты національной самобытности. Рѣшить этотъ вопросъ они могутъ лишь послѣ зрѣлаго и логическаго обслѣдованія притязаній романогерманцевъ на званіе „цивилизованнаго человѣчества“. Принять или не принять романогерманскую культуру можно только послѣ рѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, а именно:

1) Можно ли объективно доказать, что культура романогерманцевъ совершеннѣе всѣхъ прочихъ культуръ, нынѣ существующихъ или когда либо существовавшихъ на землѣ.

2) Возможно ли полное приобщеніе народа къ культурѣ, выработанной другимъ народомъ, при томъ приоб-

щеніе безъ антропологическаго смѣшенія обоихъ народовъ между собой.

3) Является ли приобщеніе къ европейской культурѣ (поскольку такое приобщеніе возможно) благомъ или зломъ.

Вопросы эти обязанъ поставить и, такъ или иначе, разрѣшить всякій, кто сознаетъ сущность европейскаго космополитизма, какъ общероманогерманскаго шовинизма. И только при утвердительномъ отвѣтѣ на всѣ эти вопросы всеобщая европеизація можетъ быть признана необходимой и желательной. При отрицательномъ же отвѣтѣ эта европеизація должна быть отвергнута и тутъ уже должны быть поставлены новые вопросы:

4) Является ли всеобщая европеизація неизбѣжной.

5) Какъ бороться съ ея отрицательными послѣдствіями.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы попытаемся разрѣшить всѣ поставленные нами вопросы. Для того, однако, чтобы рѣшеніе ихъ было правильно и, главное, плодотворно, мы должны пригласить нашихъ читателей на время отказаться совершенно отъ эгоцентрическихъ предразсудковъ, отъ кумировъ „общечеловѣческой цивилизаціи“ и вообще отъ характернаго для романогерманской науки способа мышленія. Отказъ этотъ — дѣло нелегкое, ибо предразсудки, о которыхъ идетъ рѣчь, глубоко укоренились въ сознаніи всякаго европейски „образованнаго“ человѣка. Но отказъ этотъ необходимъ въ цѣляхъ объективности.

II.

Мы уже указали выше на то обстоятельство, что признание романогерманской культуры самой совершенной изъ всѣхъ культуръ, когда либо существовавшихъ на землѣ, основано на эгоцентрической психологіи. Какъ извѣстно, въ Европѣ подъ это представленіе о высшемъ совершенствѣ европейской цивилизаціи подведенъ якобы научный фундаментъ, но научность этого фундамента только кажущаяся. Дѣло въ томъ, что представленіе объ эволюціи въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ европейской этнологіи, антропологіи и исторіи культуры, само проникнуто эгоцентризмомъ. „Эволюціонная лѣстница“, „ступени развитія“ — все это понятія глубоко эгоцентрическія. Въ основѣ ихъ лежитъ представленіе о томъ, что развитіе человѣческаго рода шло и идетъ по пути, такъ называемаго, мірового прогресса. Этотъ путь мыслится, какъ извѣстная прямая линія. Человѣчество шло по этой прямой линіи, но отдѣльные народы останавливались на разныхъ точкахъ ея и продолжаютъ и сейчасъ стоять на этихъ точкахъ, какъ бы топчась на мѣстѣ, въ то время, какъ другіе народы успѣли продвинуться нѣсколько дальше, остановившись и „топчась“ на слѣдующей точкѣ, и т. д. Въ результатѣ, окинувъ взглядомъ общую картину нынѣ существующаго человѣчества, мы можемъ увидать всю эволюцію, ибо на каждомъ этапѣ пути, пройденнаго человечествомъ, и сейчасъ стоитъ какой-нибудь застрявшій народъ, стоитъ и „топчется“ на мѣстѣ. Современное человѣчество, въ своемъ цѣломъ, представляетъ,

такимъ образомъ, какъ бы развернутую и разрѣзанную на куски кинематограмму эволюціи, и культуры различныхъ народовъ отличаются другъ отъ друга, именно, какъ разные фазисы общей эволюціи, какъ разные этапы общаго пути мірового прогресса.

Если допустить, что такое представленіе объ отношеніи дѣйствительности къ эволюціи вѣрно, то придется признать, что возстановить картину эволюціи мы все же не въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, дабы разобратъся въ томъ, какой именно фазисъ эволюціи представляетъ изъ себя каждая данная существующая культура, мы должны знать опредѣленно, гдѣ лежитъ начало и гдѣ конецъ прямой линіи мирового прогресса: только въ этомъ случаѣ мы можемъ опредѣлить разстояніе, отдѣляющее данную культуру отъ обѣихъ крайнихъ точекъ упомянутой лѣстницы и, т. о., опредѣлить мѣсто этой культуры въ общей эволюціи. Но узнать начало и конецъ эволюціи мы можемъ не раньше, чѣмъ возстановимъ общую картину эволюціи; такимъ образомъ, получается заколдованный кругъ: для возстановленія картины эволюціи намъ надо знать ея начало и конецъ, а для того, чтобы узнать ея начало и конецъ, надо возстановить картину эволюціи. Ясно, что выйти изъ этого круга можно лишь въ томъ случаѣ, если какимъ-нибудь сверхнаучнымъ, ирраціональнымъ путемъ мы постигнемъ, что та или иная культура есть начало или конецъ эволюціи. Научно, объективно постигнуть этого нельзя, ибо въ отдѣльныхъ культурахъ при такомъ представленіи объ эволюціи не можетъ быть заложено ничего такого, что указывало бы на ихъ разстояніе отъ начала или конца эволюціи. Объективно, мы находимъ въ разныхъ культурахъ лишь черты большаго или меньшаго сходства между собой. На основаніи этихъ чертъ

мы можемъ группировать всѣ культуры земного шара такъ, чтобы культуры наиболѣе сходныя другъ съ другомъ стояли рядомъ, и культуры малосходныя — въ отдаленіи другъ отъ друга. Это все, что мы можемъ сдѣлать, оставаясь объективными. Но, даже въ этомъ случаѣ, если бы намъ удалось это сдѣлать, и если бы при этомъ у насъ получилась непрерывная цѣпь, мы все же не были бы въ состояніи, оставаясь вполнѣ объективными, опредѣлить, гдѣ находится начало и гдѣ находится конецъ этой цѣпи. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Представьте себѣ семь квадратиковъ, изъ которыхъ каждый окрашенъ въ одинъ изъ цвѣтовъ радуги; эти квадратики расположены на прямой линіи, при чемъ порядокъ цвѣтовъ, считая слѣва направо: зеленый, голубой, синій, лиловый, красный, оранжевый, желтый. Теперь смѣшайте эти квадратики и предложите кому-нибудь, не видавшему ихъ первоначальнаго расположенія, разставить ихъ на прямой линіи такъ, чтобы каждый переходный цвѣтъ находился между двумя основными. Т. к. лицо, къ которому вы обратились, не знаетъ, что квадратики первоначально были расположены въ вышеуказанномъ порядкѣ, то ясно, что расположить ихъ въ совершенно одинаковомъ порядкѣ оно можетъ только случайно, при чемъ степень случайности будетъ выражаться отношеніемъ 1 : 14. Совершенно въ такомъ же положеніи находится изслѣдователь, долженствующій расположить существующія нынѣ въ человѣчествѣ народы и культуры въ эволюціонномъ порядкѣ: даже если онъ каждую культуру помѣститъ между двумя наиболѣе на нее похожими, онъ все же никогда не будетъ знать „съ какого конца начать“, какъ и въ нашемъ опытѣ никто не можетъ догадаться, что надо начинать съ зеленаго квадрата, и что голубой долженъ стоять не налѣво, а на-

право отъ него. Разница состоитъ лишь въ томъ, что такъ какъ культуръ, подлежащихъ группировкѣ не семь, а гораздо больше, то и возможныхъ рѣшеній будетъ не 14, а гораздо больше, а такъ какъ изъ нихъ вѣрнымъ будетъ только одно, то вѣроятность правильного разрѣшенія задачи здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ опытѣ съ цвѣтными квадратами.

Итакъ, если господствующее въ европейской наукѣ представленіе объ эволюціи вѣрно, то картину эволюціи человѣчества возстановить нельзя. И, однако, европейцы утверждаютъ, что общую линію этой эволюціи они возстановили. Какъ объяснить это? Неужели произошло чудо, неужели европейскіе ученые получили изъ какого то таинственнаго источника сверхъестественное откровеніе, позволившее имъ найти конецъ и начало эволюціи?

Если присмотрѣться къ результату работы европейскихъ ученыхъ, къ той схемѣ эволюціи человѣчества, которую они возстановили, то сразу становится понятнымъ, что роль этого сверхъестественнаго откровенія, на самомъ дѣлѣ, сыграла просто на просто все та же эгоцентрическая психологія. Она-то и указала романогерманскимъ ученымъ, этнологамъ и историкамъ культуры, гдѣ искать начало и конецъ развитія человѣчества. Вмѣсто того, чтобы, оставаясь объективными и видя безвыходность своего положенія, искать причину этой безвыходности въ неправомерности самаго представленія объ эволюціи и постараться плодотворно исправить это представленіе, — европейцы просто приняли за вѣнецъ эволюціи человѣчества самихъ себя, свою культуру и, наивно убѣжденные въ томъ, что они нашли одинъ конецъ предполагаемой эволюціонной цѣпи, быстро построили всю цѣпь. Никому и въ голову не пришло, что принятіе романогерманской культуры за вѣнецъ эволюціи чисто условно, что оно пред-

ставляетъ изъ себя чудовищное *petitio principii*. Эгоцентрическая психологія оказалась настолько сильна, что въ правильности этого положенія никто и не усумнился, и оно было принято всѣми безъ оговорокъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся.

Въ результатъ получилась „лѣстница эволюціи человѣчества“. На вершинѣ ея стоятъ романогерманцы и тѣ народы, которые вполне восприняли ихъ культуру. Ступенью ниже стоятъ „культурные народы древности“, т. е. тѣ народы, которые по своей культурѣ наиболѣе соприкасаются и сходятся съ европейцами. Далѣе культурные народы Азіи: письменность, государственность и нѣкоторые другіе пункты культуры этихъ народовъ позволяютъ находить въ нихъ нѣкоторое сходство съ романогерманцами. Точно также — „старая культура Америки“ (Мексика, Перу): впрочемъ, эти культуры нѣсколько менѣе похожи на романогерманскую и, сообразно съ этимъ, на эволюціонной лѣстницѣ помѣщаются нѣсколько ниже. Все же, всѣ упомянутые до сихъ поръ народы въ своей культурѣ имѣютъ настолько много чертъ внѣшняго сходства съ романогерманцами, что ихъ удостоиваютъ лестнаго званія „культурныхъ“. Ниже ихъ стоятъ уже „малокультурные“ народы, и, наконецъ, совсѣмъ внизу помѣщаются „некультурные“, „дикари“. Это — тѣ представители человѣческаго рода, которые имѣютъ наименьшее сходство съ современными романогерманцами.

Согласно такому представленію объ эволюціонной лѣстницѣ, романогерманцы и ихъ культура представляютъ изъ себя, дѣйствительно, высшее, что до сихъ поръ достигнуто людьми. Конечно, скромно добавляють романогерманскіе историки культуры, — со временемъ „человѣчество“, можетъ быть, пойдетъ еще дальше, возможно,

что обитатели Марса уже и сейчас стоятъ въ культурномъ отношеніи выше насъ, но на землѣ въ настоящее время мы, европейцы, — совершеннѣе и выше всѣхъ. Но объективной доказательной силы эта эволюціонная лѣстница имѣть не можетъ. Не потому романогерманцы признаютъ себя „вѣнцомъ созданія“, что объективная наука установила вышеупомянутую лѣстницу, а, наоборотъ, европейскіе ученые помѣщаютъ на вершинѣ этой лѣстницы романогерманцевъ исключительно потому, что заранѣе убѣждены въ своемъ совершенствѣ. Эгоцентрическая психологія здѣсь сыграла самую рѣшающую роль. Объективно говоря, вся эта лѣстница представляетъ изъ себя классификацію народовъ и культуръ по признаку ихъ большаго или меньшаго сходства съ современными романогерманцами. Моментъ оцѣнки, дѣлающій изъ этой классификаціи лѣстницу ступеней совершенства, не объективенъ и внесенъ чисто субъективной эгоцентрической психологіей. Такимъ образомъ, принятая въ европейской наукѣ классификація народовъ и культуръ не можетъ объективно доказать превосходства романогерманской цивилизаціи надъ культурами другихъ народовъ. Изъ того же, что „ржаная каша сама себя хвалитъ“ еще не слѣдуетъ, чтобы это была самая лучшая каша въ мірѣ.

Если мы посмотримъ, какія доказательства приводятся въ пользу большаго совершенства романогерманской цивилизаціи, стоящей на вершинѣ „эволюціонной лѣстницы“, по сравненію съ культурой „дикарей“, „стоящихъ на самой низкой ступени развитія“, — то съ удивленіемъ замѣтимъ, что всѣ эти доказательства основаны либо на *petitio principii* эгоцентрическихъ предразсудковъ, либо на оптическомъ обманѣ, вызванномъ тою же эгоцентрической психологіей. Объективныхъ научныхъ доказательствъ нѣтъ вовсе.

Самое простое и наиболѣе распространенное доказательство заключается въ томъ, что европейцы-де фактически побѣждаютъ дикарей; что каждый разъ, когда дикари вступаютъ въ борьбу съ европейцами, борьба кончается побѣдой „бѣлыхъ“ и пораженіемъ „дикарей“. Грубость и наивность этого доказательства должна быть ясна для всякаго объективно-мыслящаго чело-вѣка. Этотъ аргументъ ясно показываетъ, насколько по-клоненіе грубой силѣ, составлявшее существенную черту національнаго характера тѣхъ племенъ, которыя создали европейскую цивилизацію, живетъ и по сіе время въ сознаніи cadaго потомка древнихъ галловъ и германцевъ. Гальское „vae victis!“ и германскій вандализмъ, систематизированные и углубленные традиціями римской солдатчины, выступаютъ здѣсь во всей красѣ, хотя и прикрытые маской объективной научности. А между тѣмъ, этотъ аргументъ можно встрѣтить и у самыхъ просвѣщенныхъ европейскихъ „гуманистовъ“. Разбирать его логическую несостоятельность, конечно, не стоитъ. Хотя европейцы и пытаются облекать его въ научную форму, подводя подъ него фундаментъ въ видѣ теоріи „борьбы за существованіе“ и „приспособленія къ средѣ“, но послѣдовательно провести такую точку зрѣнія въ исторіи они все таки не могутъ. Имъ постоянно приходится признавать, что побѣда весьма часто выпадаетъ на долю народовъ „менѣе культурныхъ“, чѣмъ побѣждаемые ими туземцы. Въ исторіи нерѣдки случаи побѣды кочевниковъ надъ осѣдлыми (а между тѣмъ, кочевники, какъ сильнѣе отличающіеся по своему быту отъ современныхъ романогерманцевъ, на эволюціонной лѣстницѣ всегда помѣщаются ниже осѣдлыхъ народовъ). Всѣ признаваемые европейской наукой „великія культуры древности“ были разрушены именно „варварами“,

и хотя часто въ оправданіе выдвигается указаніе на то, что эти культуры къ моменту своего разрушенія уже перешли-де въ состояніе упадка и вырожденія, но въ цѣломъ рядѣ случаевъ этого доказать никакъ невозможно. А разъ европейская наука не можетъ признать положенія о томъ, чтобы народъ-побѣдитель въ культурномъ отношеніи всегда былъ совершеннѣе народа побѣжденнаго, то изъ одного факта побѣды европейцевъ надъ дикарями никакихъ положительныхъ выводовъ сдѣлать нельзя.

Другой аргументъ, не менѣе распространенный, но еще менѣе состоятельный, заключается въ томъ, что „дикари“ неспособны воспринять нѣкоторыхъ европейскихъ понятій, а потому и должны разсматриваться, какъ „низшая раса“. Здѣсь эгоцентрическая психологія особенно ярка. Европейцы совершенно забываютъ, что, если „дикари“ не способны воспринять нѣкоторыхъ понятій европейской цивилизаціи, то вѣдь и европейцы такъ же мало способны проникнуться понятіями культуры дикарей. Часто вспоминаютъ рассказъ о какомъ то папуасѣ, котораго вывезли въ Англію, воспитали въ колледжѣ и даже отдали въ университетъ; вскорѣ, однако, онъ стосковался по родинѣ, бѣжалъ на родину, и тамъ, сбросивши европейскій костюмъ, сталъ опять жить такимъ же „дикаремъ“, какимъ былъ до поѣздки въ Англію, такъ что отъ понятій европейской культуры въ немъ не осталось и слѣда. При этомъ, однако, совершенно забываютъ многочисленные анекдоты о европейцахъ, рѣшившихъ „упроститься“, поселившихся для этой цѣли среди „дикарей“, но, по прошествіи нѣкотораго времени, все же не выдержавшихъ этой марки и вернувшихся въ Европу къ европейскимъ условіямъ жизни. Указываютъ на то, что воспріятіе европейской цивили-

заціи настолько трудно для „дикарей“, что многіе изъ нихъ, попытавшись „цивилизироваться“, сошли съ ума или стали алкоголиками. Однако, въ тѣхъ, правда, весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда отдѣльные европейцы добросовѣстно пытались ассимилироваться съ культурой какого нибудь дикаго племени, принять не только внѣшній матеріальный бытъ этого племени, но и его религію и убѣжденія, — этихъ „чудаковъ“ большею частью постигала та же участь. Достаточно упомянуть талантливаго французскаго живописца Гогэна, попытавшагося стать настоящимъ таитяниномъ, поплатившагося за эту попытку помѣшательствомъ, а позднѣе и алкоголизмомъ, и окончившаго жизнь безславной смертью въ пьяной дракѣ. Очевидно, дѣло тутъ не въ томъ, что „дикари“ по своему развитію ниже европейцевъ, а въ томъ, что развитіе европейцевъ и дикарей направлено въ разныя стороны, что европейцы и „дикари“, по всему своему житейскому укладу и по вытекающей изъ этого уклада психологіи, максимально отличаются другъ отъ друга. Именно потому, что психологія и культура „дикарей“ не имѣетъ почти ничего общаго съ психологіей и культурой европейцевъ, полная ассимиляція съ этимъ чуждымъ бытовымъ и духовнымъ укладомъ невозможна какъ для той, такъ и для другой стороны. Но, такъ какъ эта невозможность остается взаимной, и для европейца стать дикаремъ такъ же трудно, какъ для „дикаря“ стать европейцемъ, то изъ этого всего нельзя сдѣлать никакого вывода о томъ, кто „выше“ и кто „ниже“ по своему „развитію“.

Разобранные нами до сихъ поръ „аргументы“ въ пользу превосходства европейцевъ надъ „дикарями“, хотя и встрѣчаются иногда въ ученыхъ работахъ, но все же являются скорѣе обывательскими разсужденіями, наив-

ными и поверхностными. Въ научной литературѣ господствуютъ другіе аргументы, имѣющіе видъ гораздо болѣе серьезный и основательный. Однако, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, эти квази-научные аргументы тоже оказываются основанными на эгоцентрическихъ предразсудкахъ. Въ наукѣ весьма часто можно встрѣтить сближеніе психологіи дикарей съ психологіей дѣтей. Это сближеніе напрашивается само собой, ибо при непосредственномъ наблюденіи дикари, дѣйствительно, производятъ на европейцевъ впечатлѣніе взрослыхъ дѣтей. Изъ этого дѣлаютъ выводъ, что дикари „остановились въ своемъ развитіи“, и что, слѣдовательно, они стоятъ ниже истинно взрослыхъ европейцевъ. Въ этомъ пунктѣ европейскіе ученые опять проявляютъ отсутствіе объективности. Они совершенно обходятъ безъ вниманія тотъ фактъ, что впечатлѣніе „взрослыхъ дѣтей“ при соприкосновеніи европейцевъ съ „дикарями“ является *взаимнымъ*, т. е. что дикари тоже смотрятъ на европейцевъ, какъ на взрослыхъ дѣтей. Фактъ этотъ, съ психологической точки зрѣнія, весьма интересенъ, и объясненія его слѣдуетъ искать, конечно, въ самой сущности того, что европейцы обозначаютъ словомъ дикарь. Выше мы уже сказали, что подъ словомъ „дикари“ европейская наука собственно понимаетъ народы, по своей культурѣ и психологіи наиболѣе отличающіеся отъ современныхъ романогерманцевъ. Въ этомъ то обстоятельствѣ и слѣдуетъ искать объясненія упомянутой психологической загадки. Надо имѣть въ виду слѣдующія положенія:

1. Психика каждого человѣка состоитъ изъ элементовъ врожденныхъ и благопріобрѣтенныхъ.

2. Среди чертъ врожденной психики надо различать черты индивидуальныя, семейныя, племенные, расовыя, общечеловѣческія, общемлекопитающія и общеживотныя.

3. Благопріобрѣтенныя черты стоятъ въ зависимости отъ среды, въ которой вращается данный субъектъ, отъ традицій его семьи и соціальной группы, и отъ культуры его народа.

4. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ вся психика состоитъ исключительно изъ чертъ врожденныхъ; съ теченіемъ времени къ нимъ присоединяются все въ большей степени черты благопріобрѣтенныя, при чемъ нѣкоторыя изъ врожденныхъ чертъ вслѣдствіе этого затушевываются или вовсе исчезаютъ.

5. Въ психологіи каждого человѣка намъ непосредственно понятны и доступны только тѣ черты, которыя общи у него съ нами.

Изъ этихъ положеній слѣдуетъ, что когда два человѣка, принадлежащіе къ совершенно одинаковой средѣ и воспитанные въ совершенно одинаковыхъ культурныхъ традиціяхъ, встрѣчаются другъ съ другомъ, они оба понимаютъ другъ въ другѣ почти всѣ черты психики, т. к. всѣ эти черты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ врожденныхъ индивидуальныхъ, у нихъ обоихъ общія. Но, когда другъ съ другомъ встрѣчаются два человѣка, принадлежащіе къ двумъ совершенно различнымъ культурамъ, совершенно не похожимъ одна на другую, то каждый изъ нихъ въ психикѣ другого усмотритъ и пойметъ лишь нѣкоторыя врожденные черты, а благопріобрѣтенныхъ не пойметъ, и, м. б., не замѣтитъ вовсе, ибо въ этой области между двумя встрѣтившимися нѣтъ ничего общаго. Чѣмъ больше отличается культура наблюдателя отъ культуры наблюдаемаго, тѣмъ меньше чертъ благопріобрѣтенной психики первый воспринимаетъ во второмъ, и тѣмъ больше психологія этого наблюдаемаго будетъ представляться наблюдателю состоящей исключительно изъ врожденныхъ чертъ. Но психика,

въ которой врожденныя черты преобладаютъ надъ благопріобрѣтенными, всегда производитъ впечатлѣніе элементарной. Всякую психику можно представить себѣ, какъ нѣкоторую дробь, въ которой числитель есть общая сумма доступныхъ нашему воспріятію врожденныхъ чертъ, а знаменатель — общая сумма чертъ благопріобрѣтенныхъ: эта психика будетъ казаться тѣмъ болѣе элементарной, чѣмъ дробь меньше (т. е. чѣмъ отношеніе знаменателя къ числителю больше). Изъ приведенныхъ выше положеній 3-го и 5-го явствуетъ, что дробь будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше отличается культура и социальная среда наблюдаемаго отъ культуры и социальной среды наблюдателя.

Т. к. „дикари“ суть, иначе говоря, тѣ народы, которые, по своей культурѣ и по своему быту, сильнѣе всего отличаются отъ современныхъ европейцевъ, то ясно, что ихъ психика должна представляться европейцамъ исключительно элементарной; но изъ всего предшествующаго ясно также и то, что это впечатлѣніе должно быть взаимнымъ. Представленіе о „дикаряхъ“, какъ о „взрослыхъ дѣтяхъ“, основано на этомъ оптическомъ обманѣ. Мы воспринимаемъ въ психологіи дикаря только черты врожденной психики, ибо только эти черты у насъ съ нимъ общія (положеніе 5), благопріобрѣтенныя же совершенно чужды и непонятны намъ, т. к. онѣ основаны на его культурныхъ традиціяхъ (положеніе 3), совершенно отличныхъ отъ нашихъ; но психологія, въ которой врожденныя черты преобладаютъ, а благопріобрѣтенныя почти отсутствуютъ, — есть психологія дѣтская (положеніе 4): потому то „дикарь“ и кажется намъ ребенкомъ. Въ этомъ представленіи играетъ роль также и другое обстоятельство. Если мы будемъ сравнивать между собою психологію двухъ дѣтей, маленькаго „ди-

каря“ и маленькаго европейца, то найдемъ, что въ психическомъ отношеніи оба ребенка гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ ихъ отцы; у нихъ еще нѣтъ благопріобрѣтенныхъ чертъ, имѣющихъ появиться позднѣе, за то у нихъ много общихъ элементовъ, входящихъ въ общечеловѣческую, общемлекопитающую и общеживотную психологію, а отличія, вносимыя расовой, племенной, семейной и индивидуальной психиками, не такъ велики. Съ теченіемъ времени нѣкоторая часть этого общаго запаса врожденныхъ чертъ будетъ вытѣснена или видоизмѣнена благопріобрѣтенными, а другая часть сохранится безъ измѣненій. Но самыя эти части у обоихъ сравниваемыхъ субъектовъ будутъ различны. У дикаря утратится А, а сохранится В, С, у европейца утратится В, а сохранится А, С; къ этому присоединятся у дикаря благопріобрѣтенныя черты D, а у европейца — благопріобрѣтенныя черты E. Когда взрослый европеецъ встрѣтится съ взрослымъ дикаремъ и станетъ наблюдать его, онъ найдетъ въ психикѣ дикаря части В, С, D. Изъ этихъ частей D окажется для европейца совершенно чуждой и непонятной, т. к. эта часть психики дикаря, какъ благопріобрѣтенная, стоитъ въ связи съ культурой дикаря, не имѣющей ничего общаго съ европейской. Часть С является общей у взрослого дикаря со взрослымъ европейцемъ, а потому вполне понятна для этого послѣдняго. Что касается до части В, то ея въ психикѣ взрослого европейца нѣтъ, но этотъ европеецъ помнитъ, что эта часть была у него въ раннемъ дѣтствѣ, и можетъ наблюдать ее и сейчасъ въ психикѣ дѣтей своего народа. Такимъ образомъ, психика дикаря должна представляться европейцу непременно, какъ смѣсь элементарныхъ чертъ взрослой психологіи съ чертами дѣтскими. Нечего и говорить, что въ такомъ же видѣ должна

представляться и дикарю психика европейца по тѣмъ же причинамъ.

Оптическій обманъ, о которомъ мы только что говорили, является причиной и другого явленія, именно, того сходства, которое находятъ европейцы между психологіей дикаря и психологіей животныхъ. Выше мы сказали, что въ психологическомъ отношеніи маленькій дикарь очень мало отличается отъ маленькаго европейца. Если мы къ этимъ двумъ младенцамъ прибавимъ еще молодое животное, то принуждены будемъ признать, что между всѣми этими тремя существами есть кое-что общее — черты общемлекопитающей и общеживотной психологій. Этихъ чертъ, можетъ быть, и не очень много, но все же онѣ существуютъ; допустимъ, это — элементы *х, у, з*. Позднѣе маленький европеецъ, развиваясь, утратить *х*, дикарь — *у*, а животное сохранить какъ *х*, такъ и *у* и *з*. Но тѣ черты животной психики, которыя сохраняются во всѣхъ названныхъ существахъ, сохраняются, конечно, не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ имѣлись въ младенчествѣ у этихъ существъ, ибо элементы психики *взрослаго* животного всегда отличаются извѣстнымъ образомъ отъ тѣхъ элементовъ психики *молодыхъ* животныхъ, изъ которыхъ они развились. Сообразно съ этимъ, *х, у, з* у *взрослаго* животного примутъ видъ *х', у', з'*, элементы *у, з* у европейца — видъ *у', з'*, элементы *х, з* у *взрослаго* дикаря — видъ *х', з'*. Когда *взрослый* европеецъ наблюдаетъ *взрослаго* дикаря, онъ усматриваетъ въ немъ, между прочимъ, черту *х'*. Какъ истолкуетъ онъ эту черту? Въ его собственной психикѣ ея нѣтъ. Въ психикѣ дѣтей его племени, она имѣетъ другой видъ, именно *х*. За то въ психикѣ *взрослыхъ* животныхъ европеецъ прямо можетъ видѣть *х'*. Естественно, поэтому, что онъ опредѣлитъ эту черту, какъ „животную“ и, благодаря

ея наличности въ психологіи дикаря, будетъ считать этого послѣдняго человѣкомъ близкимъ къ животнымъ по своему развитію. Все это, конечно, примѣнимо и къ дикарю, который, усмотрѣвъ въ европейцѣ черту у', чуждую его собственной психологіи, но наблюдаемую имъ у животныхъ, истолкуетъ эту черту совершенно такъ же, какъ европеецъ толкуетъ черту х' въ психикѣ дикаря.

Все вышесказанное объясняетъ намъ то непосредственное впечатлѣніе, которое получаютъ другъ отъ друга люди, принадлежащіе къ племенамъ съ максимально отличающимися другъ отъ друга культурами. Каждый изъ этихъ людей видитъ и понимаетъ въ другомъ только то, что у него съ нимъ общее, т. е. только черты врожденной психики, и, уже поэтому, непременно будетъ считать психологію наблюдаемаго исключительно элементарной. Усматривая въ наблюдаемомъ черты, знакомыя ему самому изъ собственнаго дѣтства, но позднѣе утраченныя, наблюдатель будетъ считать наблюдаемаго субъекта человѣкомъ, остановившимся въ своемъ развитіи, человѣкомъ, хотя и взрослымъ, но надѣленнымъ чертами дѣтской психики. Далѣе, нѣкоторыя черты наблюдаемаго покажутся наблюдателю близкими къ психологіи животныхъ. Что касается до не-элементарныхъ чертъ наблюдаемаго, то, будучи благопріобрѣтенными, и, слѣдовательно, связанными съ чуждой для наблюдателя культурой, онѣ останутся совершенно непонятными и будутъ казаться наблюдателю какими-то странностями, чудачествомъ. Соединеніе элементарности, дѣтскости и непонятнаго чудачества дѣлаетъ человѣка максимально чуждой культуры какимъ-то нелѣпымъ существомъ, не то уродливой, не то комической фигурой. Это впечатлѣніе совершенно взаимно. При встрѣчѣ другъ съ другомъ

двухъ представителей максимально различныхъ культуръ, оба они кажутся другъ другу смѣшными, уродливыми, словомъ — „дикими“. Мы знаемъ, что европеецъ испытываетъ точно такія чувства при видѣ „дикаря“, но знаемъ и то, что „дикари“, при видѣ европейца либо пугаются, либо встрѣчаютъ каждое его проявленіе взрывами гомерическаго смѣха.

Такимъ образомъ, представленіе объ элементарности психики дикаря, о ея близости къ дѣтской и къ животной психологіи, основано на оптическомъ обманѣ. Этотъ обманъ сохраняетъ свою силу не только по отношенію къ дикарямъ, т. е. къ народамъ, по своей культурѣ максимально отличающимся отъ современныхъ романогерманцевъ, но и ко всѣмъ вообще народамъ съ не-романогерманской культурой. Разница будетъ только въ степени. При наблюденіи надъ представителемъ „не нашей“ культуры мы будемъ понимать изъ его благопріобрѣтенныхъ психическихъ чертъ только такія, которыя имѣются и у насъ, т. е. связаны съ элементами культуры, общими ему и намъ. Черты благопріобрѣтенныя, но основанныя на такихъ сторонахъ его культуры, которыя не находятъ себѣ эквивалента въ нашей культурѣ, останутся для насъ непонятными. Что же касается до элементовъ врожденной психики, то они почти всѣ окажутся понятными для насъ, при чемъ часть ихъ будетъ казаться дѣтскими чертами. Благодаря тому, что врожденную психику этого наблюдаемаго нами народа мы поймемъ почти всю цѣликомъ, а благопріобрѣтенную — только поскольку культура этого народа похожа на нашу, соотношеніе врожденной и благопріобрѣтенной стороны его психики будетъ представляться намъ всегда неправильно, съ перевѣсомъ на сторонѣ врожденной, при чемъ этотъ перевѣсъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ

сильнѣе культура даннаго народа отличается отъ нашей. Естественно, поэтому, что психика народа съ культурой непохожей на нашу будетъ намъ всегда казаться элементарнѣе, чѣмъ наша собственная.

Замѣтимъ, кстати, что такая оцѣнка чужой психики наблюдается не только между двумя народами, но и между разными социальными группами одного и того же народа, если социальныя различія въ этомъ народѣ очень сильны и если высшіе классы приняли иноземную культуру. Многіе русскіе интеллигенты, врачи, офицеры, сестры милосердія, общаясь съ „простымъ народомъ“, говорятъ, что это — „взрослая дѣти“. Съ другой стороны, „простой народъ“, судя по его сказкамъ, усматриваетъ въ „баринѣ“ извѣстное чудачество и черты наивной полудѣтской психологіи.

Несмотря на то, что представленіе европейца о психикѣ дикаря основано на оптическомъ обманѣ, оно тѣмъ не менѣе играетъ самую выдающуюся роль во всѣхъ квази-научныхъ построеніяхъ европейской этнологіи, антропологіи и исторіи культуры. Главное послѣдствіе, которое имѣло это представленіе для методологіи названныхъ наукъ, заключалось въ томъ, что оно позволило романо-германскимъ ученымъ объединить въ одну группу самые разнообразныя народы земного шара подъ общимъ именемъ „дикарей“, „малокультурныхъ“ или „первобытныхъ народовъ“. Мы уже говорили, что подъ этими названіями надо понимать народы, максимально отличающіеся отъ современныхъ романогерманцевъ по своей культурѣ. Это — единственный общій признакъ всѣхъ этихъ народовъ. Признакъ этотъ — чисто субъективный и притомъ отрицательный. Но т. к. онъ породилъ оптический обманъ и основанную на этомъ обманѣ одинаковую

оцѣнку психики всѣхъ этихъ народовъ со стороны европейцевъ, то эти послѣдніе приняли свою оцѣнку за объективный и положительный признакъ и объединили всѣ народы, одинаково далекіе отъ современныхъ романо-германцевъ по своей культурѣ, въ одну группу „первобытныхъ“. Что, такимъ образомъ, въ одну общую группу попали народы, по существу, совершенно другъ на друга непохожіе (напримѣръ, эскимосы и кафры) — съ этимъ европейскіе ученые не считаются, ибо различія между отдѣльными „первобытными народами“, основанныя на особенностяхъ ихъ культуръ, одинаково отдаленныхъ отъ романогерманской, европейцу всѣ одинаково чужды и непонятны, а потому и пренебрегаются учеными, какъ маловажные и вторичные признаки. И съ этой группой, съ этимъ понятіемъ „первобытные народы“, основаннымъ, по существу, на субъективномъ и отрицательномъ признакѣ, европейская наука оперируетъ, не задумываясь, какъ съ вполне реальной и однородной величиной. Такова сила эгоцентрической психологіи въ европейской эволюціонной наукѣ.

На томъ же оптическомъ обманѣ и на связанной съ нимъ привычкѣ квалифицировать народы по степени ихъ сходства съ современными романогерманцами основанъ еще одинъ аргументъ въ пользу превосходства романогерманской цивилизаціи надъ всѣми прочими культурами земного шара. Этотъ аргументъ, который можно назвать „историческимъ“, считается въ Европѣ самымъ вѣскимъ, и на него историки культуры особенно охотно ссылаются. Сущность его состоитъ въ томъ, что предки современныхъ европейцевъ первоначально тоже были дикарями, и что, такимъ образомъ, современные дикари стоятъ до сихъ поръ на той ступени развитія, черезъ которую европейцы давно уже прошли. Аргументъ этотъ подтвер-

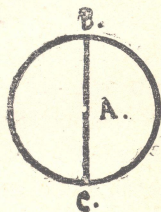
ждають археологическими находками и свидѣтельствами древнихъ историковъ, показывающихъ, что быть отдаленныхъ предковъ современныхъ романогерманскихъ народовъ отличался всѣми типичными чертами быта современныхъ дикарей.

Призрачность этого аргумента становится очевидной, лишь только мы вспомнимъ искусственность самаго понятія „дикари“ или „первобытные народы“, понятія, объединяющаго самыя различныя племена земного шара по одному лишь признаку ихъ максимальнаго отличія отъ современныхъ романогерманцевъ.

Какъ всякая культура, европейская культура измѣнялась непрерывно и пришла къ современному своему состоянію лишь постепенно, въ результатъ долгой эволюціи. Въ каждую историческую эпоху эта культура была нѣсколько иной. Естественно при этомъ, что въ эпохи болѣе близкія къ современности и культура европейцевъ была ближе къ современному своему состоянію, чѣмъ въ эпохи болѣе отдаленныя. Въ самыя отдаленныя эпохи культура народовъ Европы отличалась отъ современной „цивилизациі“ сильнѣе всего; въ эти эпохи культура предковъ европейцевъ представляла *максимальное* отличіе отъ современности. Но всѣ культуры, *максимально* отличающіяся отъ современной европейской цивилизаціи, неизмѣнно относятся европейскими учеными въ общую группу „первобытныхъ“. Естественно, поэтому, что и культура отдаленныхъ предковъ современныхъ романогерманцевъ должна попасть въ ту же рубрику. Никакого положительнаго вывода изъ этого сдѣлать нельзя. Ибо, ввиду отрицательности понятія „первобытная культура“, тотъ фактъ, что эпитетъ „первобытная“ прилагается европейскими учеными какъ къ культурѣ древнѣйшихъ предковъ романогерманцевъ, такъ и къ культурѣ совре-

менных эскимосовъ и кафровъ, еще не свидѣтельству-
етъ о томъ, что бы всѣ эти культуры были *тождествен-*
ны между собой, а лишь о томъ, что всѣ онѣ одинаково
непохожи на современную европейскую цивилизацію.

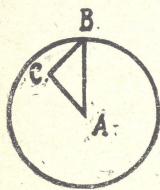
Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ коснуться еще од-
ной подробности въ ученіи европейской науки о дика-
ряхъ, подробности, стоящей въ тѣснѣйшей связи съ только
что разобраннымъ „историческимъ аргументомъ“. Именно,
въ тѣхъ — въ общемъ, сравнительно рѣдкихъ — случаяхъ,
когда европейцамъ удастся проникнуть въ исторію ка-
кого-нибудь современного „дикаго“ племени, неизмѣнно
оказывается, что культура этого племени въ теченіи
своей исторіи либо совсѣмъ не измѣнялась, либо „пошла
назадъ“, въ каковомъ случаѣ современные „дикари“ пред-
ставляютъ изъ себя результатъ регресса, постепеннаго
одичанія народа, стоявшаго нѣкогда на „болѣе высокой
ступени развитія“. Это обстоятельство зависитъ опять
таки все отъ того же оптического обмана и отъ эгоцен-
трическихъ предразсудковъ. Всего лучше происхож-
деніе этого взгляда на исторію дикарей можно изобра-
зить графически. Представимъ себѣ кругъ, въ центрѣ
котораго (въ точкѣ А) стоитъ современ-
ная европейская культура. Радиусъ этого
круга изображаетъ максимальное отличіе
отъ современныхъ романогерманцевъ : т.
о., культура всякаго современного „ди-
каго“ племени можетъ быть изображена
точкой В на окружности круга. Но въ
эту точку культура дикаря попала сейчасъ.
Раньше культура эта имѣла другой видъ
и, поэтому, болѣе ранняя историческая
форма этой культуры должна быть изображена точкой
С, не совпадающей съ В. Гдѣ можетъ лежать эта точка?

Возможны три случая. Во-первых, С можетъ лежать на какомъ нибудь другомъ мѣстѣ окружности того же круга.

Въ этомъ случаѣ, согласно положенію, разстояніе АС будетъ равно АВ. Другими словами, окажется, что культура даннаго „дикаря“ въ предшествующую историческую эпоху отличалась отъ современной европейской культуры максимально. А т. к. всѣ максимально отличныя отъ европейской цивилизаціи культуры европейская наука валить въ одну кучу „первобытныхъ“, то европейскій ученый въ данномъ случаѣ не уловить никакого прогресса, а признаетъ неподвижность, застой, какъ бы ни велика была дуга СВ, изображающая путь, пройденный культурой даннаго „дикаря“ въ эту историческую эпоху.

Второй случай; С лежитъ внутри круга.

Въ этомъ случаѣ разстояніе АС окажется меньше разстоянія АВ, другими словами, движеніе культуры у дикаря шло, удаляясь по отношенію къ точкѣ, изображающей современную культуру европейцевъ. Ясно, что европейскій ученый, считающій свою цивилизацію верхомъ достигнутаго на землѣ совершенства, можетъ назвать такое движеніе только „регрессомъ“, „упадкомъ“, „одичаніемъ“.

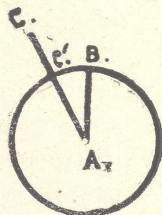
Наконецъ, третій случай; С лежитъ за предѣлами круга.

Здѣсь разстояніе АС оказывается больше радіуса АВ, т. е. больше максимальнаго разстоянія отъ культуры современныхъ романогерманцевъ. Но величины большія, чѣмъ максимальныя, человѣческому уму и ощущеніямъ не доступны. Кругозоръ европейца, стоящаго въ точкѣ А нашего чертежа, ограниченъ окружностью нашего круга, и все, что стоитъ виѣ этого круга, имъ уже не разли-

чается. Поэтому, европейцу естественно придется проэктировать точку С на окружность въ видѣ C_1 , и третій случай сведется къ первому — къ представленію о неподвижности или застою.

Такимъ же образомъ, какъ исторію дикарей, разцѣпляетъ европеецъ и исторіи другихъ народовъ, культура коихъ болѣе или менѣе отличается отъ современной романогерманской. Строго говоря, настоящий „прогрессъ“ наблюдается только въ исторіи самихъ романогерманцевъ, ибо въ ней естественно имѣть мѣсто постоянное постепенное приближеніе къ современному состоянію культуры, произвольно объявленному верхомъ совершенства. Что касается до исторіи не-романогерманскихъ народовъ, то, если она не кончается заимствованіемъ европейской культуры, всѣ послѣдніе, ближайшіе къ нашимъ днямъ этапы этой исторіи, согласно всему вышесказанному, неизбѣжно должны разсматриваться европейскими учеными, какъ эпоха застоя или упадка. Только когда такой не-романогерманскій народъ отказывается отъ своей національной культуры и предается слѣпому подражанію европейцамъ, романогерманскіе ученые съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что этотъ народъ „вступилъ на путь общечеловѣческаго прогресса“.

Итакъ, „историческій аргументъ“, самый вѣскій и убѣдительный въ глазахъ европейцевъ, на повѣрку оказался столь же мало доказательнымъ, какъ и всѣ прочіе аргументы въ пользу превосходства романогерманцевъ надъ дикарями. Многимъ можетъ показаться, что мы занимаемся софистикой и жонглируемъ общими понятіями. Многіе скажутъ, что, несмотря на всю логичность нашихъ

разсужденій, превосходство европейца надъ дикаремъ все же остается несомнѣнной, объективной и самоочевидной истиной, которую, именно поэтому, нельзя доказывать: аксіомы не доказуемы, какъ не доказуемы и факты нашего непосредственного воспріятія, напр., тотъ фактъ, что бумага, на которой я пишу, бѣла. Однако, очевидность только тогда не требуетъ доказательствъ, когда она объективна. Субъективно для меня можетъ быть вполне очевидно, что я во всѣхъ отношеніяхъ лучше и умнѣ моего знакомаго N, но, т. к. ни для самого N, ни для многихъ другихъ нашихъ общихъ съ нимъ знакомыхъ этотъ фактъ не очевиденъ, я не могу считать его объективнымъ. А между тѣмъ вопросъ о превосходствѣ европейцевъ надъ дикарями носить именно такой характеръ: не забудемъ, что разрѣшать его хотятъ сами же европейцы, романогерманцы, или люди, хотя и не принадлежащіе къ ихъ расѣ, но загнипнотизированные ихъ престижемъ, находящіеся подъ полнымъ ихъ вліяніемъ. Если для этихъ судей превосходство романогерманцевъ очевидно, то очевидность эта не объективна, а субъективна и, потому, требуетъ еще объективныхъ доказательствъ. А такихъ доказательствъ нѣтъ: предшествующее изложеніе достаточно ясно показало это.

Намъ говорятъ: сопоставьте умственный багажъ культурнаго европейца съ умственнымъ багажемъ какого-нибудь бушмена, ботокуда или веддаса — развѣ превосходство перваго надъ вторымъ не очевидно? Однако, мы утверждаемъ, что очевидность тутъ только субъективная. Лишь только мы дадимъ себѣ трудъ добросовѣстно и безъ предубѣжденія вникнуть въ дѣло, — очевидность пропадаетъ. Дикарь, — хорошій дикарь-охотникъ, обладающій всѣми качествами, которыя цѣ-

нить въ человѣкѣ его племя (а только такой дикарь и можетъ быть сравниваемъ съ настоящимъ культурнымъ европейцемъ), — хранить въ своемъ умѣ огромный запасъ всевозможныхъ познаній и свѣдѣній. Онъ въ совершенствѣ изучилъ жизнь окружающей его природы, знаетъ всѣ привычки животныхъ, такія тонкости въ ихъ бытѣ, которыя ускользаютъ отъ пытливаго взора самаго внимательнаго европейскаго натуралиста. Всѣ эти познанія хранятся въ умѣ дикаря далеко не въ хаотическомъ безпорядкѣ. Они систематизированы, — правда, не по тѣмъ рубрикамъ, по которымъ расположилъ бы ихъ европейскій ученый, но по другимъ, наиболѣе удобнымъ для практическихъ цѣлей охотничьяго быта. Кромѣ этихъ практически-научныхъ познаній, умъ дикаря вмѣщаетъ въ себѣ зачастую довольно сложную мифологію его племени, кодексъ его морали, правила и предписанія этикета, иногда тоже весьма сложнаго, наконецъ, болѣе или менѣе значительный запасъ произведеній изустной литературы своего народа. Словомъ, голова дикаря „набита“ основательно, несмотря на то, что матеріаль ея „набивающій“, совершенно иной, чѣмъ тотъ, который наполняетъ голову европейца. А вслѣдствіе этой разнородности матеріала умственной жизни дикаря и европейца, ихъ умственные багажи слѣдуетъ признать несравнимыми и несоизмѣримыми между собою, почему вопросъ о превосходствѣ одного надъ другимъ надо считать неразрѣшимымъ.

Указываютъ на то, что европейская культура во многихъ отношеніяхъ сложнѣе культуры дикаря. Однако, такое соотношеніе обѣихъ культуръ наблюдается далеко не во всѣхъ ихъ сторонахъ. Культурные европейцы гордятся изысканностью своихъ манеръ, тонкостью своей вѣжливости. Но не подлежитъ сомнѣнію, что правила эти-

кета и условности общежитія у многихъ дикарей гораздо сложнѣе и болѣе детально разработаны, чѣмъ у европейцевъ, не говоря уже о томъ, что этому кодексу хорошаго тона подчиняются всѣ члены „дикаго“ племени безъ исключенія, тогда какъ у европейцевъ хороший тонъ является удѣломъ только высшихъ классовъ. Въ заботѣ о наружности „дикари“ часто проявляютъ гораздо больше сложности, чѣмъ многіе европейцы: вспомнимъ сложные приемы татуировки австралійцевъ и полинезійцевъ или сложнѣйшія прически африканскихъ красавицъ. Если всѣ эти осложненія можно отнести на долю нецѣлесообразнаго чудачества, то есть въ жизни нѣкоторыхъ дикарей и нѣкоторые несомнѣнно цѣлесообразные институты гораздо болѣе сложные, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ европейскіе. Возьмемъ, на примѣръ, отношеніе къ половой жизни, къ семейному и брачному праву. Какъ элементарно разрѣшенъ этотъ вопросъ въ романогерманской цивилизаціи, гдѣ моногамная семья существуетъ оффиціально, покровительствуемая закономъ, а рядомъ съ нею уживается разнузданная половая свобода, которую общество и государство теоретически осуждаютъ, но практически допускаютъ. Сравните съ этимъ детально продуманный институтъ групповыхъ браковъ у австралійцевъ, гдѣ половая жизнь поставлена въ строжайшія рамки и, при отсутствіи индивидуальнаго брака, тѣмъ не менѣе приняты мѣры, какъ для обезпеченія дѣтей, такъ и для недопущенія кровосмѣшеній.

Вообще говоря, большая или меньшая сложность ничего не говоритъ о степени совершенства культуры. Эволюція такъ же часто идетъ въ сторону упрощенія, какъ въ сторону усложненія. Поэтому, степень сложности никакъ не можетъ служить мѣриломъ прогресса. Европейцы прекрасно понимаютъ это, и примѣняютъ это мѣ-

рило только тогда, когда оно удобно для ихъ цѣлей самовосхваленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда другая культура, напр., та же культура дикарей, въ какомъ-нибудь отношеніи оказывается сложнѣе европейской, европейцы не только не считаютъ эту большую сложность мѣриломъ прогресса, но даже наоборотъ объявляютъ, что въ данномъ случаѣ усложненіе есть признакъ „первобытности“. Такъ толкуетъ европейская наука всѣ вышеупомянутые случаи: сложный этикетъ дикарей, ихъ забота о сложномъ украшеніи тѣла, даже хитроумная система австралійскаго группового брака — все это оказывается проявленіемъ низкой степени культуры. Замѣтимъ, что при этомъ европейцы совершенно не считаются уже и со своимъ излюбленнымъ „историческимъ аргументомъ“, разобраннымъ выше: въ праисторіи галловъ и германцевъ (да и самихъ римлянъ) никогда не было момента, когда всѣ упомянутые, яко-бы первобытныя, стороны жизни „дикарей“ нашли бы себѣ проявленіе. Объ тщательномъ украшеніи тѣла, о татуировкѣ или о фантастически сложныхъ прическахъ отдѣльные предки романо-германцевъ не имѣли никакого понятія, вѣжливость и „манеры“ были у нихъ въ гораздо большемъ пренебреженіи, чѣмъ у современныхъ нѣмцевъ и американцевъ, а семья съ поконъ вѣковъ строилась по одному и тому же образцу. Европейцы не считаются съ историческимъ аргументомъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, въ которыхъ его логическое примѣненіе говорило бы не въ пользу европейской цивилизациі. Многое изъ того, что въ современной Европѣ считается послѣднимъ крикомъ цивилизациі или вершиной еще не достигнутаго прогресса, встрѣчается у дикарей, но тогда объявляется признакомъ крайней первобытности. Футуристическія картинки, нарисованныя европейцами, считаются признакомъ

высшаго утонченія эстетическаго вкуса, но совершенно подобныя имъ произведенія „дикарей“ — наивными попытками, первыми пробужденіями первобытнаго искусства. Соціализмъ, коммунизмъ, анархизмъ, все это „свѣтлые идеалы грядущаго высшаго прогресса“, но только лишь тогда, когда ихъ проповѣдуетъ современный европеецъ. Когда же эти „идеалы“ оказываются осуществленными въ бытѣ дикарей, они сейчасъ же обозначаются, какъ проявленіе первобытной дикости.

Объективныхъ доказательствъ превосходства европейца надъ дикарями нѣтъ и не можетъ быть потому, что при сравненіи разныхъ культуръ между собою европейцы знаютъ лишь одно мѣрило: что похоже на насъ — лучше и совершеннѣе всего, что на насъ не похоже.

Но если такъ, если европейцы не совершеннѣе дикарей, то та эволюціонная лѣстница, о которой мы говорили въ началѣ этой главы, должна обрушиться. Если вершина ея не выше ея основанія, то, очевидно, она не выше и другихъ ступеней, находящихся между нею и ея основаніемъ. вмѣсто лѣстницы, мы получаемъ горизонтальную плѣскость. вмѣсто принципа градаціи народовъ и культуръ по степенямъ совершенства — новый принципъ равноцѣнности и качественной несоизмѣримости всѣхъ культуръ и народовъ земнаго шара. Моментъ оцѣнки долженъ быть разъ навсегда изгнанъ изъ этнологіи и исторіи культуры, какъ и вообще изъ всѣхъ эволюціонныхъ наукъ, ибо оцѣнка всегда основана на эгоцентризмѣ. Нѣтъ высшихъ и низшихъ. Есть только похожіе и непохожіе. Объявлять похожихъ на насъ высшими, а непохожихъ — низшими, — произвольно, ненаучно, наивно, наконецъ, просто глупо. Только вполне преодолевъ этотъ глубоко вкоренившійся эгоцентрическій предразсудокъ и изгнавъ его послѣдствія изъ своихъ мето-

довъ и выводовъ, до сихъ поръ строившихся на немъ, европейскія эволюціонныя науки, въ частности этнологія, антропологія и исторія культуры, станутъ настоящими научными дисциплинами. До тѣхъ поръ онѣ являются въ лучшемъ случаѣ средствомъ морочить людей и оправдывать передъ глазами романогерманцевъ и ихъ приспѣшниковъ имперіалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство „великихъ державъ“ Европы и Америки.

Итакъ, на первый изъ поставленныхъ выше вопросовъ, на вопросъ: „можно ли объективно доказать, что культура современныхъ романогерманцевъ совершеннѣе всѣхъ прочихъ культуръ, нынѣ существующихъ или когда-либо существовавшихъ на землѣ?“, — приходится отвѣтить отрицательно.

III.

Теперь попытаемся отвѣтить на вопросъ: возможно ли полное приобщеніе какого-нибудь народа къ культурѣ, созданной другимъ народомъ. Подъ полнымъ приобщеніемъ мы разумѣемъ, конечно, такое усвоеніе культуры чужого народа, послѣ котораго эта культура для заимствующаго народа становится какъ бы своею и продолжаетъ развиваться въ этомъ народѣ совершенно параллельно съ ея развитіемъ у того народа, отъ котораго она позаимствована, такъ что оба—создатель культуры и заимствователь — сливаются въ одно культурное цѣлое.

Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, поставленный въ такой формѣ, нужно, конечно, знать законы жизни и развитія культуры. Между тѣмъ европейская наука въ этой области не знаетъ почти ничего, т. к., находясь на томъ ложномъ пути, на которомъ стоятъ всѣ европейскія эволюціонныя науки благодаря эгоцентрическимъ предразсудкамъ, о которыхъ мы говорили выше, социологія до сихъ поръ не могла выработать ни объективныхъ научныхъ методовъ, ни, тѣмъ болѣе, сколько-нибудь достовѣрныхъ выводовъ, и пребываетъ на ступени развитія алхиміи. Кое-какія правильныя точки зрѣнія на методъ, которымъ должна бы пользоваться социологія, и кое-какіе вѣрные взгляды на истинную сущность механики или динамики социальныхъ явленій можно найти разбросанными у от-

дѣльныхъ европейскихъ соціологовъ, которые, однако, сами никогда своихъ методологическихъ принциповъ до конца не выдерживаютъ и неизмѣнно впадаютъ въ основанное на эгоцентризмѣ обобщеніе относительно развитія „человѣчества“. Эта страсть къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, всегда невѣрнымъ, вслѣдствіе ложности основныхъ понятій „человѣчества“, „прогресса“, „первобытности“ и пр., — эта страсть существуетъ у всѣхъ соціологовъ и особенно затрудняетъ пользованіе ихъ выводами. Крупнѣйшій европейскій соціологъ прошлаго вѣка, къ сожалѣнію, сравнительно мало извѣстный и неправильно оцѣненный въ Европѣ, французскій ученый Габріэль Тардъ въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ на природу социальныхъ процессовъ и на методы соціологіи подошелъ къ истинѣ, пожалуй, ближе, чѣмъ другіе. Но страсть къ обобщеніямъ и стремленіе сейчасъ же послѣ опредѣленія элементовъ социальной жизни дать картину всей эволюціи „человѣчества“ погубили и этого остроумнаго изслѣдователя. Къ тому же, пропитанный, какъ и всѣ европейцы, эгоцентрическими предразсудками, онъ не можетъ встать на точку зрѣнія равноцѣнности и качественной несоизмѣримости народовъ и культуръ, не можетъ мыслить „человѣчество“ иначе, какъ стройное единое цѣлое, отдѣльныя части котораго расположены на эволюціонной лѣстницѣ, наконецъ, не можетъ порвать съ понятіемъ „общечеловѣческаго“ или „мірового прогресса“. Такимъ образомъ, хотя мы примыкаемъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ пунктовъ къ соціологическимъ ученіямъ Тарда, тѣмъ не менѣе, въ его теоріи намъ приходится вводить нѣкоторыя весьма существенныя поправки. Съ точки зрѣнія этой то соціологической системы мы и подойдемъ къ рѣшенію поставленнаго выше вопроса.

Жизнь и развитие всякой культуры состоитъ изъ непрерывнаго возникновенія новыхъ культурныхъ цѣнностей. Подъ „культурной цѣнностью“ мы разумѣемъ всякое цѣлесообразное созданіе человѣка, сдѣлавшееся общимъ достояніемъ его соотечественниковъ: это можетъ быть и норма права, и художественное произведеніе, и учрежденіе, и техническое приспособленіе, и научное или философское положеніе, — поскольку всѣ эти вещи отвѣчаютъ опредѣленнымъ физическимъ или духовнымъ потребностямъ или для удовлетворенія этихъ потребностей приняты всѣми или частью представителей даннаго народа. Возникновеніе каждой новой культурной цѣнности можно назвать общимъ именемъ „открытія“ (*invention* — терминъ Тарда). Каждое открытіе представляетъ изъ себя комбинацію двухъ или нѣсколькихъ уже существующихъ культурныхъ цѣнностей или ихъ различныхъ элементовъ, при чемъ, однако, новое открытіе неразложимо вполне на свои составныя части и заключаетъ въ себѣ всегда нѣкоторый плюсъ въ видѣ, во-первыхъ, способа самой комбинаціи, а, во-вторыхъ, отпечатка личности творца. Разъ возникнувъ, открытіе распространяется среди другихъ людей путемъ „подражанія“ (*imitation* — тоже терминъ Тарда), при чемъ это слово надо понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, начиная съ воспроизведенія самой культурной цѣнности или воспроизведенія способа удовлетворять данную потребность при помощи этой цѣнности, и до „симпатическаго подражанія“, т. е. подчиненія созданной нормѣ, усвоенія даннаго положенія, предполагаемаго истиннымъ, или преклоненія передъ достоинствомъ даннаго произведенія. Въ процессѣ подражанія данное новшество можетъ столкнуться и вступить въ противорѣчіе съ другимъ, или съ уже признанной раньше культурной цѣнностью, въ каковомъ

случаѣ между ними завязывается борьба за первенство („duel logique“ Тарда), въ результатѣ которой одна изъ этихъ цѣнностей вытѣсняется другой. Только преодолевъ всѣ эти препятствія и распространившись путемъ подражанія на все социальное цѣлое, данное открытіе становится фактомъ социальной жизни, элементомъ культуры. Культура въ каждый данный моментъ представляетъ изъ себя сумму получившихъ признаніе открытій современнаго и предшествующихъ поколѣній даннаго народа. Такимъ образомъ, сущность развитія и жизни культуры сводится къ двумъ элементарнымъ процессамъ: „открытіе“ (invention) и „распространеніе“ (propagation) съ необязательнымъ, но почти неизбѣжнымъ дополненіемъ „борьбы за признаніе“ (duel logique). Не трудно видѣть, что оба основные процесса имѣютъ между собою много общаго: поскольку открытіе является всегда навѣяннымъ предшествующими открытіями или, лучше сказать, уже существующими культурными цѣнностями, его можно разсматривать, какъ комбинированное подражаніе или, выражаясь словами Тарда, какъ столкновеніе въ индивидуальномъ сознаніи двухъ или нѣсколькихъ подражательныхъ волнъ (ondes imitatives). Отличіе состоитъ лишь въ томъ, что при открытіи между сталкивающимися цѣнностями не происходитъ борьбы (duel logique) въ узкомъ смыслѣ этого слова; что ни одна изъ цѣнностей не вытѣсняетъ другую, а, наоборотъ, всѣ онѣ синтезируются и соединяются въ одно цѣлое, тогда какъ при распространеніи столкновеніе цѣнностей не создаетъ новой, а лишь устраняетъ одну изъ борющихся сторонъ. Поэтому, и „открытіе“ и „распространеніе“ могутъ разсматриваться, какъ двѣ стороны одного и того же процесса „подражанія“ (imitation). Особенность ученія Тарда состоитъ именно въ томъ, что какъ элементъ со-

ціальної життя онъ приймаєть тільки одинъ елементарний психическій процесъ подражанія, протекаючий всегда въ індивідуальному мозку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавлюючий зв'язъ между отдѣльнымъ індивідумомъ и другими людьми и, постольку, относящійся не къ чисто індивідуальній психології, а къ психології „междиндивідуальною“ (interpsychologie).

Теперъ постараємся ясно представити себѣ тѣ условія, котрыя необходимы для непрерывнаго появленія открытій, иначе говоря, для развитія культуры. Прежде всего, для этого необходимо существованіе въ сознаніи данної культурной среды всего запаса уже созданныхъ и прошедшихъ черезъ стадію борьбы культурныхъ цѣнностей. Это необходимо, во-первыхъ, потому, что, какъ сказано выше, всякое новое открытіе всегда слгається изъ элементовъ уже существующихъ культурныхъ цѣнностей, согласно принципу *ex nihilo nihil fit*. Крімъ того, имѣя цѣлю удовлетворити извѣстную потребу, всякое новое открытіе въ то же время вызываетъ новыя потребности или видоизмѣняетъ старыя, дѣлая необходимымъ исканіе новыхъ путей къ удовлетворенію этихъ новыхъ потребностей; все это дѣлаетъ совершенно необходимой тѣснѣйшую зв'язъ новыхъ открытій съ уже существующимъ общимъ запасомъ культурныхъ цѣнностей. Этотъ общій запасъ культурныхъ цѣнностей, иначе говоря, инвентарь культуры, для успѣшнаго дальнѣйшаго развитія долженъ передаваться путемъ традиціи, т. е. всякое молодое поколѣніе должно усваивать, путемъ подражанія старшимъ, культуру, въ которой выросло предшествующее поколѣніе и которую это поколѣніе, въ свою очередь, получило отъ своихъ предшественниковъ. Для каждаго поколѣнія полученная такимъ путемъ традиціи культура является исходной точкой дальнѣйшихъ

открытій, и это обстоятельство является однимъ изъ непремѣнныхъ условій непрерывности и органичности развитія культуры. Наконецъ, кромѣ традиціи, самую важную роль въ развитіи культуры играетъ наслѣдственность (факторъ недооцѣненный Тардомъ). Наслѣдственность дополняетъ собою традицію, и при помощи ея изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются вкусы, предрасположенія и темпераменты тѣхъ, кто творилъ культурныя цѣнности въ прошломъ, что и способствуетъ органичности всего развитія культуры. Для процесса распространенія открытій (*propagation des inventions*), составляющаго другую столь же существенную часть развитія культуры, въ общемъ, необходимы тѣ-же условія, что и для самаго возникновенія открытій. Наличие общаго запаса культурныхъ цѣнностей необходима ввиду того, что именно этотъ запасъ опредѣляетъ собою тѣ потребности, которыя должно удовлетворять открытіе, а, между тѣмъ, открытіе можетъ привиться только въ томъ случаѣ, если потребность, вызвавшая его къ жизни, имѣется на лицо, и, при томъ, именно, въ совершенно одинаковомъ видѣ, какъ у изобрѣтателя, такъ и у общества. Далѣе, залогъ успѣшнаго распространенія открытія заключается большею частью въ подготовленности сознанія общества къ его принятію, а эта подготовленность предполагаетъ, что элементы, изъ которыхъ сложено открытіе, уже живутъ въ сознаніи общества; между тѣмъ, мы знаемъ, что элементы каждаго новаго открытія почерпаются изъ того-же общаго запаса цѣнностей: слѣдовательно, этотъ общій запасъ, одинаковый у изобрѣтателей и подражателей, составляетъ необходимое условіе распространенія открытія. Но наличие этого одинаковаго запаса культурныхъ цѣнностей, сама по себѣ, еще для этого не достаточна. Важно,

чтобы всѣ эти цѣнности и ихъ элементы въ сознаніи общества и въ сознаніи изобрѣтателя были расположены приблизительно одинаково, чтобы ихъ взаимоотношенія въ томъ и другомъ сознаніи были тѣ-же самыя. А это достижимо лишь при условіи одной традиціи. Наконецъ, для того, чтобы данное открытіе было принято всѣми или большинствомъ, необходимо, чтобы вкусы, предрасположенія и темпераментъ его создателя не противорѣчили психическому укладу даннаго общества, — а для этого нужна единая наслѣдственность.

Послѣ этихъ предварительныхъ разсужденій изъ области общей соціологіи мы можемъ приступить и къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса о возможности для цѣлаго народа полного пріобщенія къ чужой культурѣ. Передъ нами два народа, скажемъ А и В, каждый имѣетъ свою культуру (ибо безъ культуры въ выше-опредѣленномъ смыслѣ никакой народъ немыслимъ), причемъ эти двѣ культуры различны. Теперь предположимъ, что народъ А заимствуетъ культуру народа В. Спрашивается: можетъ ли въ дальнѣйшемъ эта культура на почвѣ А развиваться въ томъ же направленіи, въ томъ же духѣ и въ томъ же темпѣ, какъ на почвѣ В? Мы знаемъ, что для этого нужно, чтобы, послѣ заимствованія, А получило одинаковый съ В общій запасъ культурныхъ цѣнностей, одинаковую традицію и одинаковую наслѣдственность. Однако, ни то, ни другое, ни третье невозможно. Даже если народъ А сразу заимствуетъ у В весь инвентарь культуры В, общіе запасы культурныхъ цѣнностей у обоихъ народовъ все-таки не будутъ одинаковы, ибо у А къ запасу В будетъ присоединяться, особенно первое время, инвентарь прежней культуры А, который у В отсутствуетъ. Этотъ остатокъ прежней національной культуры въ первое время послѣ заимство-

ванія всегда будетъ живъ, хотя-бы въ памяти народа А, какъ бы старательно эта культура ни искоренялась. Благодаря этому и традиція у народа А окажется совершенно иной, чѣмъ у народа В. Наконецъ, наслѣдственность не можетъ быть заимствована безъ антропологическаго смѣшенія А съ В, да даже и при такомъ смѣшеніи наслѣдственность у помѣси А и В будетъ иная, чѣмъ у одного В. Такимъ образомъ, первое время послѣ заимствования, условія жизни культуры народа В на почвѣ народа А будутъ совершенно отличными отъ условій жизни ея на родной почвѣ народа В.

Эти первые шаги культуры, перенесенной на новую почву, оказываются роковыми для ея дальнѣйшаго развитія. Самымъ рѣшающимъ образомъ должно дѣйствовать отсутствіе органической традиціи. Цѣлый рядъ элементовъ культуры В въ самомъ народѣ В воспринимаются и усваиваются съ дѣтства. Въ народѣ А всѣ эти элементы будутъ усваиваться уже въ зрѣломъ возрастѣ. Въ народѣ В естественнымъ проводникомъ традиціи является семья. Въ народѣ А семья не можетъ первое время передавать подрастающему поколѣнію традицію новой культуры въ чистомъ видѣ. Эту традицію приходится прививать черезъ школу или черезъ болѣе или менѣе искусственные коллективы — армію, заводы, фабрики и проч. Но, получая изъ этихъ источниковъ традицію новой, заимствованной культуры, молодые поколѣнія въ то-же время сохраняютъ и традиціи прежней національной культуры, полученные ими изъ семьи и подкрѣпляемые авторитетомъ семьи даже въ болѣе позднее время. Естественно, что эти молодые поколѣнія комбинируютъ обѣ традиціи и создаютъ въ результатѣ нѣкоторую смѣсь изъ понятій двухъ различныхъ культуръ. Эта смѣсь создается въ каждомъ индивидуальномъ

сознаниі, хотя, конечно, не безъ вліянія подражанія окружающимъ. Въ общемъ, смѣсь получается у каждого своя и всѣ онѣ довольно различны, смотря по условіямъ личной біографіи каждого отдѣльнаго субъекта, при чемъ, конечно, у людей со сходной біографіей различія въ смѣси не такъ значительны. Какъ бы то ни было, когда молодая поколѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, изъ роли воспринимающихъ традицію перейдутъ въ роль передающихъ ее, они передадутъ слѣдующему за ними поколѣнію не чистую традицію культуры В, а традицію смѣси А и В. Слѣдующее поколѣніе, получая изъ школы и подобныхъ источниковъ болѣе или менѣе чистую культуру В, а изъ семьи и изъ свободнаго соціальнаго общенія со старшими вышеупомянутую смѣсь А и В, само производитъ новую смѣсь изъ этихъ элементовъ и, въ послѣдствіи, передаетъ традицію этой новой смѣси поколѣнію, слѣдующему за нимъ, и т. д. Такимъ образомъ, культура народа А будетъ всегда смѣсью культуръ А и В, при чемъ въ каждый данный моментъ у старшаго поколѣнія элементъ А будетъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ у младшаго, и семья будетъ ближе къ А, чѣмъ другіе коллективы. Впрочемъ, съ теченіемъ времени отдѣльные элементы культуры А проникнутъ и въ ту традицію, которая передается молодымъ поколѣніямъ школой, такъ что эта традиція тоже станетъ смѣшанной. Въ результатѣ, вся культура народа А окажется основанной на смѣшанной традиціи двухъ культуръ, тогда какъ культура народа В останется однородной: значить, полнаго тождества между народами А и В въ культурномъ отношеніи все-таки не получится.

Выше мы сказали, что каждое открытіе складывается изъ элементовъ уже существующихъ культурныхъ цѣнностей. Общая сумма возможныхъ въ данный моментъ открытій, слѣдовательно, зависитъ отъ общей суммы

культурныхъ цѣнностей, имѣющихся на лицо у даннаго народа. А т. к. въ отношеніи запаса культурныхъ цѣнностей между народами А и В, какъ сказано, никогда не будетъ полнаго тождества, то ясно, что и сумма возможныхъ открытій у обоихъ народовъ никогда не будетъ одинакова: иначе говоря, направленіе развитія культуры у народа В, создавшаго ее, и у народа А, позаимствовавшаго ее, будетъ различно. Къ этому надо присоединить еще различія во вкусахъ, предрасположеніяхъ и темпераментахъ, обусловленные различіемъ въ наслѣдственности. Наконецъ, часто все это осложняется различіями географическихъ условій и (напр., въ вопросѣ о костюмѣ) антропологическихъ типовъ.

Такимъ образомъ, надо признать, что полное приобщеніе цѣлаго народа къ культурѣ, созданной другимъ народомъ, — дѣло невозможное.

Исторія отнюдь не противорѣчитъ этому выводу. Всюду, гдѣ имѣется подобное полное приобщеніе къ чужой культурѣ, болѣе пристальное изученіе фактовъ показываетъ либо, что это приобщеніе является только кажущимся, либо, что оно стало возможнымъ только благодаря антропологическому смѣшенію народа-создателя культуры съ народомъ-заимствователемъ. Какъ на историческіе примѣры приобщенія къ чужой культурѣ указываютъ на эллинизмъ и романизацію. Однако, эти примѣры мало удачны. Въ „эллинизированныхъ“ странахъ, какъ извѣстно, получалась именно смѣсь древней греческой культуры съ туземными культурами. Элементы греческой культуры, какъ и греческій языкъ, служили лишь цементомъ, объединившимъ другъ съ другомъ всѣ эти смѣшанныя культуры: какъ извѣстно, элементъ иноземной культуры проникъ тогда и въ самую Грецію, такъ что и самъ греческій народъ получилъ смѣшанную культуру. Такимъ образомъ, здѣсь не было „народа В“, соз-

давшего культуру, и „народа А“, эту культуру позаимствовавшего, а были народы А, В, С и т. д., заимствующие другъ у друга отдѣльные элементы культуры, вступившіе между собою въ оживленное культурное общеніе, совершенно взаимное. Что касается до романизациі, то въ ней надо различать два момента. Романизацию Аппенинскаго полуострова нельзя разсматривать, какъ приобщеніе къ чужой культурѣ, ибо культура Рима республиканской эпохи мало отличалась отъ культуры другихъ городскихъ общинъ Италіи. На всемъ полуостровѣ господствовала одна культура съ незначительными особенностями въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и романизация, собственно, свелась къ распространенію латинскаго языка, замѣнившего собою всѣ остальные нарѣчія Италіи, изъ которыхъ, къ тому-же, большинство были близко родственны съ нарѣчіемъ Рима. Нѣсколько другой характеръ имѣла романизация болѣе отдаленныхъ провинцій Римскаго государства, Галліи, Испаніи, Британіи и проч., въ которыхъ національная культура существенно отличалась отъ римской. Но тутъ надо принять во вниманіе нѣсколько обстоятельствъ. Во первыхъ, романизация въ этихъ областяхъ происходила съ большой постепенностью. Первоначально римляне ограничивались лишь проведеніемъ дорогъ и учрежденіемъ военныхъ поселеній, состоявшихъ сначала изъ однихъ итальянцевъ, а затѣмъ подвербовывавшихъ солдатъ и изъ мѣстнаго населенія. Позднѣе начали вводиться въ этихъ мѣстахъ римскія государственныя учрежденія и римское право. Въ религіозномъ отношеніи обязательнымъ былъ лишь культъ императора, другіе-же римскіе культы не вводились, а приносились въ провинцію римскими солдатами, мирно уживаясь съ національными культами. Въ области матеріальной культуры, одежды, жилища, орудій производства, провинціальныя „варвары“ долгое время

сохраняли свою самобытность, сглаживающуюся очень постепенно, благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ съ другими провинціями и съ Римомъ. Такимъ образомъ, культура романизированныхъ провинцій была всегда смѣшанной. Наконецъ, и сама якобы римская культура, такъ или иначе насаждавшаяся во всѣхъ этихъ областяхъ во времена Имперіи, представляла изъ себя довольно пеструю смѣсь разнородныхъ элементовъ самыхъ разнородныхъ культуръ грекоримскаго міра. Въ результатѣ получилось не приобщеніе разныхъ народовъ къ культурѣ, созданной однимъ народомъ, а эклектизмъ, синтезъ нѣсколькихъ культуръ. Что мѣстныя національныя культуры при этомъ продолжали существовать и развиваться въ народныхъ массахъ, показываетъ эпоха конца римскаго владычества, когда эти народныя культуры всплыли на поверхность, освобожденные изъ подъ нивелирующаго вліянія столицы, и дали начало культурамъ народовъ средневѣковья.

Эти примѣры показываютъ, что съ приобщеніемъ къ чужой культурѣ не надо отождествлять смѣшеніе культуръ. Какъ общее правило, надо сказать, что при отсутствіи антропологическаго смѣшенія возможно именно лишь смѣшеніе культуръ. Приобщеніе, наоборотъ, возможно лишь при антропологическомъ смѣшеніи. Таковы, напр. приобщеніе манжуровъ къ культурѣ Китая, гиксовъ — къ культурѣ Египта, варяговъ и тюрко-болгаръ — къ культурѣ славянъ и т. д., далѣе—приобщеніе пруссовъ, полабовъ и лужичанъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ пока еще не полное) къ культурѣ нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, и на второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ, — на вопросъ: „возможно-ли полное приобщеніе цѣлаго народа къ культурѣ, созданной другимъ народомъ, безъ антропологическаго смѣшенія обоихъ народовъ?“ — приходится тоже отвѣтить отрицательно.

IV.

Третій вопросъ гласить: „является-ли приобщеніе къ европейской культурѣ (поскольку такое приобщеніе возможно) благомъ или зломъ?“. Вопросъ этотъ требуетъ болѣе точнаго ограниченія въ связи съ полученными уже отвѣтами на два первыхъ вопроса. Теперь мы уже знаемъ, что, во-первыхъ, романогерманская культура, объективно ничѣмъ не выше и не совершеннѣе всякой другой культуры, и что, во-вторыхъ, полное приобщеніе къ культурѣ, созданной другимъ народомъ, возможно лишь при условіи антропологическаго смѣшенія съ этимъ народомъ. Отсюда, какъ будто, слѣдуетъ, что вопросъ нашъ касается только тѣхъ народовъ, которые антропологически смѣшались съ романогерманцами. Однако, при болѣе внимательномъ размышленіи оказывается, что по отношенію къ такимъ народамъ вопросъ нашъ совершенно безсмысленъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, съ момента антропологическаго смѣшенія, народъ, о которомъ идетъ рѣчь, перестаетъ быть вполнѣ не-романогерманскимъ. Романогерманская культура для него становится до нѣкоторой степени родной, столь же родной, какъ и культура того народа, который смѣшался съ романогерманцами. Ему надо выбрать между этими двумя одинаково для него родными культурами. Мы знаемъ, что романогерманская культура ничѣмъ не лучше всякой другой, но, въ сущности, она и

ничѣмъ не хуже другихъ. Значить, для народа, о которомъ идетъ рѣчь, въ общемъ, безразлично, принять ее или нѣтъ. Правда, принявъ ее, онъ все-же будетъ отличаться отъ чистыхъ романогерманцевъ по своей наслѣдственности. Но и принявъ другую культуру, онъ тоже будетъ имѣть наслѣдственность, не вполне этой культурѣ соответствующую, т. к. въ его жилахъ течетъ отчасти и романогерманская кровь. Такимъ образомъ, по отношенію къ народамъ, антропологически смѣшавшимся съ романогерманцами, вопросъ о желательности или нежелательности европеизаціи теряетъ всю свою остроту и весь свой смыслъ. Что касается до всякаго другого народа, антропологически не смѣшавшагося съ романогерманцами, то изъ предыдущаго ясно, что такой народъ не можетъ вполне европеизироваться, т. е. вполне приобщиться къ романогерманской культурѣ.

Однако, мы знаемъ и то, что, несмотря на эту невозможность, многіе изъ такихъ народовъ все-таки всѣми силами стремятся къ такому приобщенію, стараются европеизироваться. Вотъ къ такимъ-то народамъ и относится нашъ вопросъ: мы должны выяснить тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого стремленія къ европеизаціи, и опредѣлить, являются ли эти послѣдствія благотворными или желательными съ точки зрѣнія даннаго народа.

Выше, доказывая невозможность полного приобщенія цѣлаго народа къ культурѣ, созданной другимъ народомъ, мы попытались, между прочимъ, въ общихъ чертахъ обрисовать форму развитія культуры у предполагаемаго народа А, позаимствовавшаго культуру у народа В. Теперь мы должны вмѣсто В подставить романогерманцевъ, а вмѣсто А — европеизируемый не-романогерманскій народъ и отмѣтить тѣ спеціальныя особен-

ности, которыя явятся слѣдствіемъ такой подстановки. Наиболѣе существенныя особенности вносятся тою чертою романогерманцевъ и ихъ культуры, которую мы охарактеризовали, какъ эгоцентризмъ. Романогерманецъ считаетъ высшимъ самого себя и все, что тождественно съ нимъ, низшимъ—все, что отличается отъ него.

Въ области культуры онъ признаетъ цѣннымъ лишь то, что составляетъ элементъ его собственной современной культуры или можетъ составлять ея элементъ; все остальное въ глазахъ романогерманца не имѣетъ цѣны или оцѣнивается по степени близости, сходства съ соотвѣствующими элементами его собственной культуры. Европеизированный или стремящійся къ европеизаціи народъ заражается этою чертою романогерманской психики, но, не сознавая ея истинной эгоцентрической подкладки, не ставитъ себя на мѣсто европейца, а, наоборотъ, оцѣниваетъ все, въ томъ числѣ и самого себя, свой народъ и свою культуру, именно съ точки зрѣнія романогерманца. Въ этомъ и состоитъ особенность частнаго случая европеизаціи по сравненію съ общимъ случаемъ заимствованія народомъ А культуры у народа В.

Мы говорили выше, что культура народа А всегда будетъ представлять изъ себя нѣкоторую смѣсь изъ элементовъ старой національной культуры этого народа (обозначимъ эти элементы черезъ α) и элементовъ культуры, заимствованной у народа В (обозначимъ ихъ черезъ β), тогда какъ самъ народъ В будетъ имѣть культуру, состоящую лишь изъ вполне однородныхъ элементовъ (β). Отсюда вытекаетъ первое положеніе: культура А (въ нашемъ случаѣ — европеизированнаго не-романогерманскаго народа) заключаетъ въ себѣ больше культурныхъ цѣнностей, чѣмъ культура В (въ нашемъ случаѣ — романогерманскаго народа). Но мы знаемъ, что общая

сумма культурныхъ цѣнностей опредѣляетъ собой и общую сумму возможныхъ открытій : значить, количество возможныхъ открытій у европеизованнаго народа больше, чѣмъ у романогерманскаго. На видъ такое положеніе дѣла, какъ будто, выгодно для европеизованнаго народа. Но, на дѣлѣ, это не такъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо принять во вниманіе, что число *возможныхъ* открытій далеко не равно числу открытій, дѣйствительно осуществляемыхъ. Большинство открытій обречено на гибель во взаимной борьбѣ между собой или старыми культурными цѣнностями, съ которыми они вступаютъ въ противорѣчіе, причемъ эта взаимная борьба за общее признаніе (*duel logique*, по терминологіи Тарда) будетъ тѣмъ ожесточеннѣе и длительнѣе, чѣмъ больше общее число возможныхъ открытій. Такимъ образомъ, оказывается, что культурная работа европеизованнаго народа поставлена въ гораздо менѣе выгодныя условія, чѣмъ работа природнаго романогерманца. Первому приходится искать въ разныхъ направленіяхъ, тратить свои силы надъ согласованіемъ элементовъ двухъ разнородныхъ культуръ, надъ согласованіемъ, сводящимся большею частью къ мертворожденнымъ попыткамъ ; ему приходится выискивать подходящіе другъ къ другу элементы изъ груды цѣнностей двухъ культуръ, — тогда какъ природный романогерманецъ идетъ вѣрными путями, проторенной дорожкой, не разбрасываясь и сосредотачивая свои силы лишь на согласованіи элементовъ одной и той-же культуры, элементовъ вполне однородныхъ, окрашенныхъ въ одинъ общій тонъ родного ему національнаго характера.

Ко всему этому присоединяются логическія послѣдствія той особенности частнаго случая европеизаціи, по сравненію съ общимъ случаемъ культурнаго заимствования, о которой мы говорили выше. Такъ какъ культура

европеизированнаго народа состоитъ изъ цѣнностей α (чисто національныхъ) и β (заимствованныхъ у романо-германцевъ), а всякое открытіе слагается изъ элементовъ уже существующихъ цѣнностей, то открытія, производимыя европеизированнымъ народомъ, теоретически будутъ принадлежать къ одному изъ трехъ типовъ: $\alpha + \alpha$, $\alpha + \beta$, $\beta + \beta$. Съ точки зрѣнія романогерманца, открытія типа $\alpha + \alpha$, какъ не заключающія въ себѣ никакихъ элементовъ романогерманской культуры, совершенно лишены цѣны. Изъ открытій типа $\alpha + \beta$ значительная часть должна представиться романогерманцу, какъ порча европейской культуры, ибо такія открытія, на ряду съ β , заключаютъ въ себѣ и элементъ α , отдаляющій ихъ отъ соотвѣтствующаго элемента современной романогерманской культуры. Наконецъ, изъ открытій типа $\beta + \beta$ вполне пріемлемыми для романогерманцевъ являются лишь тѣ, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ вкусовъ, предрасположеній и темпераментовъ, свойственныхъ романогерманской наслѣдственности; а т. к. европеизированный народъ имѣетъ наслѣдственность иную, то ясно, что значительная часть сдѣланныхъ имъ открытій типа $\beta + \beta$ не будутъ отвѣчать этому требованію и окажутся непріемлемыми для романогерманцевъ. Такимъ образомъ, мало того, что культурная работа европеизированнаго народа, по сравненію съ работой романогерманскаго народа, въ высшей степени тяжела и обставлена затрудненіями, — она къ тому же еще и неблагодарна. Добрая половина ея, съ точки зрѣнія настоящаго европейца, должна быть признана непроизводительной, нецѣлесообразной. А т. к. европеизированный народъ заимствуетъ у романогерманцевъ и ихъ оцѣнку культуры, то ему и самому приходится отказываться отъ тѣхъ изъ своихъ открытій, которыя не могутъ получить признанія въ Европѣ, и ра-

бота его въ значительной своей части, дѣйствительно, становится Сизифовымъ трудомъ.

Нетрудно понять, къ какимъ послѣдствіямъ все это неминуемо приводитъ. Вслѣдствіе всѣхъ вышеописанныхъ причинъ европеизированный народъ въ каждый данный промежутокъ времени успѣваетъ создать лишь самое незначительное количество такихъ культурныхъ цѣнностей, которыя могутъ быть приняты другими народами европейской культуры. Природные-же романогерманцы въ тотъ-же промежутокъ времени создадутъ такихъ цѣнностей очень много, и такъ какъ всѣ онѣ, войдя въ общій запасъ романогерманской культуры, тѣмъ самымъ приобретутъ неоспоримый авторитетъ, то и тому европеизированному народу, о которомъ идетъ рѣчь, придется принять ихъ. Такимъ образомъ, этотъ народъ всегда будетъ больше получать извнѣ, чѣмъ отдавать на сторону, его культурный импортъ будетъ всегда превышать культурный экспортъ, — и уже одно это ставить его въ зависимое положеніе по отношенію къ природнымъ романогерманцамъ.

Нельзя не отмѣтить, къ тому-же, что перевѣсъ импорта надъ экспортомъ и отличіе психической наслѣдственности европеизированнаго народа отъ романогерманской, создаютъ для этого народа чрезвычайно тяжелыя условія усвоенія и распространенія новыхъ открытій. Природные романогерманцы усваиваютъ, въ общемъ, только тѣ открытія, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ общероманогерманской національной психологіи, передаваемой путемъ наслѣдственности и традиціи: все, что противорѣчитъ этой психологіи, они могутъ просто на просто откинуть, заклеививъ это эпитетомъ „варварства“. Европеизированный народъ находится въ иномъ положеніи: онъ долженъ руководствоваться не своей

собственной, а чужой, романогерманской національной психологіей, и долженъ, не сморгнувъ, принимать все то, что создаютъ и считаютъ цѣннымъ истинные романо-германцы, хотя-бы это противорѣчило его національной психологіи, плохо укладывалось-бы въ его сознаніи. Это, конечно, затрудняетъ процессъ усвоенія и распространенія импортируемыхъ открытій, а, между тѣмъ, такія открытія, какъ мы знаемъ, у европеизированнаго народа всегда превышаютъ число своихъ собственныхъ, доморощенныхъ. Нечего и говорить, что такія постоянныя затрудненія въ области усвоенія открытій должны чрезвычайно вредно отражаться на экономіи національных силъ европеизированнаго народа, которому и безъ того приходится затрачивать много труда на непродуктивную работу по согласованію двухъ разнородныхъ культуръ („открытія типа $\alpha + \beta$ “) и развитію остатковъ собственной національной культуры („открытія типа $\alpha + \alpha$ “).

Всѣми этими тормозами въ культурной работѣ еще далеко не исчерпывается невыгодность положенія европеизированнаго народа. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій европеизаціи является уничтоженіе національнаго единства, разчлененіе національнаго тѣла европеизированнаго народа. Выше мы видѣли, что при заимствованіи чужой культуры каждое поколѣніе вырабатываетъ свою смѣсь, свой канонъ синтеза элементовъ національной и иноземной культуры. Такимъ образомъ, въ народѣ, заимствовавшемъ чужую культуру, каждое поколѣніе живетъ своей особой культурой, и различіе между „отцами и дѣтьми“ здѣсь будетъ всегда сильнѣе, чѣмъ у народа съ однородной національной культурой. Но и помимо этого, лишь очень рѣдко случается, чтобы цѣлый народъ сразу подвергся европеизаціи, чтобы всѣ

части народа въ одинаковой мѣрѣ восприняли романо-германскую культуру. Это можетъ случиться лишь въ томъ случаѣ, если народъ, о которомъ идетъ рѣчь, очень немногочисленъ и слабо дифференцированъ. Большею частью европеизація идетъ сверху внизъ, т. е. охватываетъ сначала соціальныя верхи, аристократію, городское населеніе, извѣстныя профессіи, и затѣмъ уже постепенно распространяется и на остальные части народа. Процессъ этого, распространенія протекаетъ, конечно, довольно медленно, и втеченіе его успѣваютъ смѣнить другъ друга цѣлый рядъ поколѣній. Говоря о традиціи, мы указывали на то, что для усвоенія чужой культуры необходима работа нѣсколькихъ поколѣній, ибо въ томъ синтезѣ, который продѣлываетъ для себя каждое поколѣніе, элементъ заимствованной культуры будетъ тѣмъ сильнѣе преобладать надъ элементами старой національной культуры, чѣмъ больше предшествующихъ поколѣній потрудились надъ примиреніемъ этихъ двухъ разнородныхъ культуръ. Вполнѣ понятно, поэтому, что въ каждый моментъ тѣ части европеизированнаго народа, которыя раньше другихъ стали подвергаться европеизаціи, имѣютъ культурный обликъ болѣе близкій къ романогерманскому. Такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ разныя части европеизированнаго народа, классы, сословія, профессіи, представляютъ изъ себя разныя стадіи усвоенія романогерманской культуры, разные типы комбинацій, въ различныхъ пропорціяхъ, элементовъ національной и иноземной культуры. Всѣ эти классы являются не частями одного національнаго цѣлаго, а обособленными культурными единицами, какъ бы отдѣльными народами со своими культурами и традиціями, со своими привычками, понятіями и языками. Соціальныя, имущественныя и профессиональныя различія въ средѣ европеизирован-

наго народа гораздо сильнѣе, чѣмъ въ средѣ природныхъ романогерманцевъ, именно потому, что ко всѣмъ этимъ различіямъ присоединяются различія этнографическія, различія культуръ.

Отрицательныя послѣдствія этого явленія сказываются въ жизни европеизированнаго народа на каждомъ шагу. Расчлененіе націи вызываетъ обостреніе классовой борьбы, затрудняетъ переходъ изъ одного класса общества въ другой. Эга-же разобщенность частей европеизированнаго народа еще больше тормозитъ распространеніе всякихъ новшествъ и открытій, и препятствуетъ сотрудничеству всѣхъ частей народа въ культурной работѣ. Словомъ, создаются такія условія, которыя неизбежно ослабляютъ европеизированный народъ и ставятъ его въ крайне невыгодное положеніе, по сравненію съ природными романогерманцами. Итакъ, социальная жизнь и развитіе культуры европеизированнаго народа, обставлены такими затрудненіями, которыя совершенно не знакомы природнымъ романогерманцамъ. Вслѣдствіе этого, этотъ народъ оказывается мало продуктивнымъ: онъ творитъ мало и медленно, съ большимъ трудомъ. Въ усвоеніи открытій, въ процессѣ распространенія онъ проявляетъ ту-же медлительность. Поэтому, такой народъ, съ европейской точки зрѣнія, всегда можетъ разсматриваться, какъ „отсталый“. А т. к. культура его, всегда являясь смѣсью романогерманской съ туземной, всегда отличается отъ чистой романогерманской культуры данной эпохи, то настоящіе европейцы всегда будутъ считать его стоящимъ ниже природныхъ романогерманцевъ. Но и самъ онъ принужденъ смотрѣть на себя совершенно такъ-же. Принявъ европейскую культуру, онъ вмѣстѣ съ ней воспринимаетъ и европейскія мѣрила оцѣнки культуры. Онъ не можетъ не замѣчать своей малой культурной

продуктивности, того, что его культурный экспортъ развить очень слабо, что распространение новшествъ у него идетъ очень медленно и съ затрудненіями, что значительная часть его національнаго тѣла очень мало или вовсе не причастна къ той романогерманской культурѣ, которую онъ считаетъ „высшей“. Сравнивая самого себя съ природными романогерманцами, европеизированный народъ приходитъ къ сознанию ихъ превосходства надъ собою, и это сознание вмѣстѣ съ постояннымъ сѣтованіемъ о своей косности и отсталости постепенно приводитъ къ тому, что народъ перестаетъ уважать самого себя. Изучая свою исторію, этотъ народъ оцѣниваетъ ее тоже съ точки зрѣнія природнаго европейца: въ этой исторіи все, что противорѣчитъ европейской культурѣ, представляется зломъ, показателемъ косности и отсталости; наивысшимъ моментомъ этой исторіи признается тотъ, въ который совершился рѣшительный поворотъ къ Европѣ; въ дальнѣйшемъ-же ходѣ исторіи все, что бралось изъ Европы, считается прогрессомъ, а всякое отклонение отъ европейскихъ нормъ — реакціей. Постепенно народъ пріучается презирать все свое, самобытное, національное. Если-же прибавить ко всему этому вышеупомянутое расчленение національнаго тѣла, ослабление социальныхъ связей между отдѣльными частями этого тѣла вслѣдствіе отсутствія у нихъ единой культуры, общаго культурнаго языка, — то станетъ понятнымъ, что патріотизмъ у европеизированнаго народа всегда развить чрезвычайно слабо. Патріотизмъ и національная гордость въ такомъ народѣ — удѣлъ лишь отдѣльныхъ единицъ, а національное самоутверждение большею частью сводится къ амбиціямъ правителей и руководящихъ политическихъ круговъ.

Это отсутствіе вѣры въ себя, конечно, опять-таки является большимъ минусомъ въ борьбѣ за существованіе. Въ частной жизни постоянно приходится наблюдать, какъ натуры не самоувѣренныя, мало цѣнящія самихъ себя и привыкшія къ самоуниженію, проявляютъ въ своемъ поведеніи нерѣшительность, недостаточную настойчивость, позволяютъ другимъ „наступать себѣ на ноги“ и, въ концѣ концовъ, подпадаютъ подъ полную власть болѣе рѣшительныхъ и самоувѣренныхъ, хотя зачастую и гораздо менѣе одаренныхъ личностей. Совершенно такимъ-же образомъ и въ жизни народовъ націи мало-патріотическія, съ неразвитымъ чувствомъ національной гордости, всегда пассуютъ передъ народами, обладающими сильнымъ патріотизмомъ или національнымъ самомнѣніемъ. А потому европеизированные народы, согласно всему вышесказанному, б. ч. занимаютъ, по отношенію къ исконнымъ романогерманцамъ, зависимое, подчиненное положеніе.

Всѣ эти отрицательныя послѣдствія зависятъ отъ самаго факта европеизаціи: степень европеизаціи при этомъ не играетъ роли. Мы знаемъ, что съ каждымъ поколѣніемъ элементы старой туземной культуры отступаютъ все болѣе на задній планъ, такъ что съ теченіемъ времени народъ, стремящійся къ европеизаціи, долженъ, въ концѣ концовъ, европеизироваться вполне, т. е. получить культуру, состоящую исключительно изъ элементовъ романогерманскаго происхожденія. Этотъ процессъ чрезвычайно длителенъ, тѣмъ болѣе, что онъ протекаетъ очень неравномѣрно въ разныхъ частяхъ, разныхъ соціальныхъ группахъ, европеизированнаго народа. Но даже когда этотъ процессъ вполне завершится, у европеизированнаго народа все же всегда останутся неискоренимыя предрасположенія національной психики,

передаваемые путем наслѣдственности, и эти предрасположенія, отличныя отъ элементовъ врожденной психики романогерманцевъ, все-таки будутъ, съ одной стороны, мѣшать плодотворной творческой работѣ даннаго народа, а съ другой — препятствовать успѣшному и быстрому усвоенію имъ новыхъ культурныхъ цѣнностей, созданныхъ природными романогерманцами. Такимъ образомъ, даже при достиженіи максимальной степени европеизаціи этотъ народъ, и безъ того уже задержавшійся въ своемъ развитіи, благодаря длительному и трудному процессу постепенной культурной нивелировки всѣхъ своихъ частей и искорененію остатковъ національной культуры, — окажется все-таки не въ равныхъ условіяхъ съ романогерманцами и будетъ продолжать „отставать“. Тотъ фактъ, что съ момента начала своей европеизаціи этотъ народъ роковымъ образомъ вступаетъ въ полосу обязательнаго культурнаго обмѣна и общенія съ романогерманцами, дѣлаетъ его „отсталость“ роковымъ закономъ.

Но съ этимъ „закономъ“ мириться нельзя. Народы, не противодѣйствующіе своей „отсталости“, очень быстро становятся жертвою какого-нибудь сосѣдняго или отдаленнаго романогерманскаго народа, который лишаетъ этого отставшаго члена „семьи цивилизованныхъ народовъ“ сначала экономической, а потомъ и политической независимости и принимается беззастѣнчиво эксплуатировать его, вытягивая изъ него всѣ соки и превративъ его въ „этнографическій матеріалъ“. Но того, кто пожелаетъ бороться съ закономъ вѣчнаго отставанія, ждетъ не менѣе печальная участь. Для того, чтобы оградить себя отъ иноземной опасности, „отстающему“ европеизированному народу приходится держать на одномъ уровнѣ съ романогерманцами, по крайней мѣрѣ, свою военную и

промышленную технику. Но такъ какъ творить въ этой области съ такою-же быстротою, какъ природные романо-германцы, европеизированный народъ, въ силу указанныхъ выше причинъ, не въ состояніи, то ему приходится ограничиваться, главнымъ образомъ, заимствованиемъ и подражаніемъ чужимъ открытіямъ. Отсталость его, тѣмъ не менѣе, конечно, остается въ силѣ даже въ области техники. Но въ этой области, несмотря на извѣстное хроническое запаздываніе, уровень сохраняется все-же болѣе или менѣе одинаковый и отличіе отъ романо-германцевъ состоитъ скорѣе въ меньшей интенсивности промышленной жизни. Въ другихъ областяхъ жизни потребность сравняться съ уровнемъ романо-германцевъ чувствуется обыкновенно менѣе сильно и постоянно. Только время отъ времени различіе уровней, отсталость въ этихъ областяхъ начинаетъ ощущаться очень остро, но именно въ этой спорадичности такихъ ощущеній отсталости и заключается ихъ главное зло. Устранять послѣдствія этихъ спорадическихъ ощущеній отсталости можно лишь столь же спорадическими историческими прыжками. Не имѣя возможности идти нога въ ногу съ романо-германцами и постепенно отставая отъ нихъ, европеизированный народъ время отъ времени пытается нагнать ихъ, дѣлая болѣе или менѣе далекіе прыжки. Эти прыжки нарушаютъ весь ходъ историческаго развитія. Въ короткое время народу нужно пройти тотъ путь, который романо-германцы прошли постепенно и втеченіе болѣе долгаго промежутка времени. Ему приходится перескакивать черезъ цѣлый рядъ историческихъ ступеней и создавать сразу, *ex abrupto*, то, что у романо-германцевъ явилось слѣдствіемъ „ряда исторически-послѣдовательныхъ измѣненій“. Послѣдствія такой скачущей „эволюціи“ поистинѣ ужасны. За каждымъ скачкомъ

неминуемо слѣдуетъ періодъ кажущагося (съ европейской точки зрѣнія) застоя, втеченіе котораго надо привести въ порядокъ культуру, согласовать результаты, достигнутые путемъ этого скачка въ опредѣленной сферѣ жизни, съ остальными элементами культуры. А за время этого „застоя“ народъ, понятно, опять и еще больше отстаетъ. Исторія европеизированныхъ народовъ и состоитъ изъ этой постоянной смѣны короткихъ періодовъ быстрого „прогресса“ и болѣе или менѣе длительныхъ періодовъ „застоя“. Историческіе прыжки, нарушая единство и непрерывную постепенность историческаго развитія, разрушаютъ и традицію, и безъ того уже слабо развитую у европеизированнаго народа. А между тѣмъ, непрерывная традиція есть одно изъ непремѣнныхъ условій нормальной эволюціи. Совершенно ясно, что прыжки и скачки, давая временную иллюзію достиженія „общеевропейскаго уровня цивилизаціи“, въ силу всѣхъ указанныхъ выше причинъ не могутъ вести народъ впередъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Скачущая эволюція еще больше растрчиваетъ національныя силы, уже и безъ того перегруженная работой въ силу самаго факта европеизаціи. Какъ человѣкъ, пытающійся итти нога въ ногу съ болѣе быстроходнымъ спутникомъ и прибѣгающій съ этой цѣлью къ приему періодическихъ прыжковъ, въ концѣ концовъ неизбежно выбьется изъ силъ и упадетъ въ изнеможеніи, такъ точно и европеизированный народъ, вступившій на такой путь эволюціи, неизбежно погибнетъ, безцѣльно растративъ свои національныя силы. И все это — безъ вѣры въ себя, даже безъ подкрѣпляющаго чувства національнаго единства, давно разрушеннаго самымъ фактомъ европеизаціи.

Итакъ, послѣдствія европеизаціи настолько тяжелы и ужасны, что европеизацію приходится считать не бла-

гомъ, а зломъ. Замѣтимъ, при этомъ, что мы преднамѣренно не касались нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ европеизаціи, которыя часто признаются съ сожалѣніемъ самими европейцами: пороки и привычки, вредныя для здоровья, особыя болѣзни, приносимыя, европейскими „культуртрегерами“, милитаризмъ, лишенная эстетики безпокойная промышленная жизнь. Всѣ эти „спутники цивилизаціи“, на которые сѣтуютъ сантиментальные европейскіе филантропы и эстеты, не являются неотъемлемыми принадлежностями романогерманской культуры. Пороки и вредныя привычки имѣются у всякой культуры и часто заимствуются однимъ народомъ у другого, независимо отъ пріобщенія ко всей культурѣ въ цѣломъ. Въ частности, многія изъ такихъ привычекъ были заимствованы самими европейцами у такихъ племенъ, которыя они считаютъ низшими и мало культурными: напр., куреніе табака перенято европейцами отъ сѣверо-американскихъ „дикарей“. Что же касается до милитаризма и капитализма, то европейцы всегда обѣщаются исправиться отъ этихъ недостатковъ, признавая ихъ лишь историческими эпизодами. Такимъ образомъ, всѣ эти отрицательныя стороны европейской цивилизаціи можно считать спорными, почему мы и не сочли возможнымъ говорить о нихъ. Мы говорили лишь о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ изъ самой сущности европеизаціи и касаются самой сущности соціальной жизни и культуры европеизированнаго народа.

Въ результатъ, на всѣ три вопроса, поставленныхъ выше, намъ пришлось отвѣтить отрицательно.

V.

Но, если европейская цивилизація ничѣмъ не выше всякой другой, если полное приобщеніе къ чужой культурѣ невозможно, и если стремленіе къ полной европеизаціи сулитъ всѣмъ не-романогерманскимъ народамъ самую жалкую и трагическую участь, — то очевидно, что съ европеизаціей этимъ народамъ надо бороться изъ всѣхъ силъ. И вотъ, тутъ-то возникаетъ ужасный вопросъ: что если эта борьба невозможна и если всеобщая европеизація есть неизбѣжный міровой законъ?

Съ виду многое говоритъ за то, что это дѣйствительно такъ. Когда европейцы встрѣчаются съ какимъ-нибудь не-романогерманскимъ народомъ, они подвозятъ къ нему свои товары и пушки. Если народъ не окажетъ имъ сопротивленія, европейцы завоюютъ его, сдѣлаютъ своей колоніей и европеизируютъ его насильственно. Если-же народъ задумаетъ сопротивляться, то для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ европейцами, онъ принужденъ обзавестись пушками и всѣми усовершенствованіями европейской техники. Но для этого нужны, съ одной стороны, фабрики и заводы, а съ другой — изученіе европейскихъ прикладныхъ наукъ. Но фабрики немыслимы безъ соціально-политическаго уклада жизни Европы, а прикладныя науки — безъ наукъ „чистыхъ“. Такимъ образомъ, для борьбы съ Европой народу, о

которомъ идетъ рѣчь, приходится шагъ за шагомъ усвоить всю современную ему романогерманскую цивилизацію и европеизироваться добровольно. Значить, и въ томъ и въ другомъ случаѣ европеизація, какъ будто, неизбежна.

Все только что сказанное можетъ породить впечатлѣніе, будто-бы европеизація является неизбежнымъ послѣдствіемъ наличности у европейцевъ военной техники и фабричнаго производства товаровъ. Но военная техника есть слѣдствіе милитаризма, фабричное производство — слѣдствіе капитализма. Милитаризмъ же и капитализмъ не вѣчны. Они возникли исторически и, какъ предсказываютъ европейскіе социалисты, скоро должны погибнуть, уступивъ мѣсто новому социалистическому строю. Выходить, что противники всеобщей европеизаціи должны мечтать объ установленіи въ европейскихъ странахъ социалистическаго строя. Однако, это не болѣе, какъ парадоксъ. Социалисты болѣе всѣхъ европейцевъ настаиваютъ на интернаціоналѣ, на воинствующемъ космополитизмѣ, истинная сущность котораго уже раскрыта нами въ началѣ этой работы. И это не случайно. Социализмъ возможенъ только при всеобщей европеизаціи, при нивелировкѣ всѣхъ національностей земного шара и подчиненіи ихъ всѣхъ единообразной культурѣ и одному общему укладу жизни. Если-бы социалистическій строй утвердился въ Европѣ, европейскимъ социалистическимъ государствамъ пришлось-бы прежде всего огнемъ и мечемъ водворить тотъ же строй во всемъ мірѣ, а послѣ этого зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ народъ не измѣнилъ этому строю. Иначе, т. е. въ томъ случаѣ, если-бы гдѣ-либо сохранился уголокъ земного шара, неза тронутый социализмомъ, этотъ „уголокъ“ сразу сдѣлался бы новымъ разсадникомъ капитализма. Но для того,

чтобы быть на стражѣ социалистическаго строя, европейцамъ пришлось-бы поддерживать свою военную технику на прежней высотѣ и оставаться вооруженными до зубовъ. А т. к. такое вооруженное состояніе части „человѣчества“ всегда грозитъ независимости другихъ частей того же человѣчества, которыя, несмотря на всѣ завѣренія, все-таки будутъ чувствовать себя неуютно по сосѣдству съ вооруженными людьми, то въ результатѣ состояніе вооруженнаго мира распространится, конечно, на всѣ народы земного шара. Далѣе, въ виду того, что всѣ романогерманскіе народы давно уже привыкли пользоваться для своей матеріальной культуры и для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей предметами и продуктами, производимыми внѣ территоріи Европы, то международная, и особенно „колониальная“, торговля непременно сохранится и при социалистическомъ строѣ, при чемъ эта торговля, конечно, будетъ носить особый характеръ въ связи съ особенностями социалистическаго хозяйства вообще. Главнымъ предметомъ вывоза изъ романогерманскихъ странъ по прежнему останутся товары фабричнаго производства. Такимъ образомъ, оба стимула европеизаціи, существующіе въ настоящее время, военная техника и фабричное производство, сохранятся и при социалистическомъ строѣ. Къ нимъ только еще присоединятся новые стимулы въ видѣ требованія единаго социалистическаго уклада жизни во всѣхъ странахъ, требованія неизбежнаго, ибо социалистическое государство можетъ торговать лишь съ социалистическими-же государствами.

Что касается до тѣхъ отрицательныхъ послѣдствій европеизаціи, о которыхъ мы говорили выше, то они сохраняются при социалистическомъ строѣ совершенно такъ же, какъ при строѣ капиталистическомъ. Мало того, всѣ эти

послѣдствія при соціалистическомъ строѣ даже усугубятся, ибо требованіе единообразія въ соціально-политической жизни всѣхъ народовъ, безъ котораго не мыслимъ социализмъ, еще болѣе заставитъ европеизированные народы „тянуться“ за природными романогерманцами. Только одно изъ перечисленныхъ нами выше отрицательныхъ послѣдствій европеизации, именно, культурное разчлененіе національнаго тѣла европеизированнаго народа при соціалистическомъ строѣ, какъ будто, должно перестать существовать, за отсутствіемъ въ соціалистическомъ обществѣ дѣленія на классы и сословія. Однако, это отсутствіе сословій и классовъ, конечно, останется всегда теоретическимъ. На самомъ дѣлѣ, принципъ раздѣленія труда неминуемо приведетъ къ соціальной группировкѣ по профессіямъ. И эта группировка у народовъ европеизированныхъ будетъ всегда болѣе рѣзкой, чѣмъ у природныхъ романогерманцевъ въ силу причинъ, указанныхъ выше. Замѣтимъ, кстати, что необходимость сохранять при соціалистическомъ строѣ во всѣхъ народахъ одинъ общій уровень „цивилизаціи“, заставитъ романогерманцевъ „подстегивать“ и „подгонять“ „отсталые“ народы. А т. к. „національные предрасудки“ къ тому времени должны будутъ исчезнуть, подчинившись торжествующему космополитизму, то очевидно, что во всѣхъ европеизированныхъ государствахъ при соціалистическомъ строѣ на первыхъ роляхъ, въ качествѣ инструкторовъ и, отчасти, правителей, будутъ сидѣть представители чистыхъ романогерманскихъ народовъ или народовъ, полнѣе пріобщившихся къ романогерманской культурѣ. Въ концѣ концовъ, въ „семь соціалистическихъ народовъ“ романогерманцы будутъ сохранять привилегированное положеніе аристократовъ, а прочіе „отсталые народы“ постепенно попадутъ въ положеніе ихъ рабовъ.

Итакъ, характеръ соціально-политическаго строя романогерманскихъ государствъ не играетъ никакой роли въ вопросъ о неизбежности европеизаціи и ея отрицательныхъ послѣдствій. Неизбежность эта остается, независимо отъ того, будетъ-ли строй романогерманскихъ государствъ капиталистическимъ или соціалистическимъ. Она зависитъ не отъ милитаризма и капитализма, а отъ ненасытной алчности, заложенной въ самой природѣ международныхъ хищниковъ—романогерманцевъ, и отъ эгоцентризма, проникающаго всю ихъ пресловутую „цивилизацию“.

VI.

Какъ-же бороться съ этимъ кошмаромъ неизбежности всеобщей европеизаціи? На первый взглядъ кажется, что борьба возможна лишь при помощи всенароднаго возстанія противъ романогерманцевъ. Если-бы человѣчество,—не то человѣчество, о которомъ любятъ говорить романогерманцы, а настоящее человѣчество, состоящее въ своемъ большинствѣ изъ славянъ, китайцевъ, индусовъ, арабовъ, негровъ и другихъ племенъ, которые всѣ, безъ различія цвѣта кожи, стонутъ подъ тяжелымъ гнетомъ романогерманцевъ и растрачиваютъ свои національныя силы на добываніе сырья, потребнаго для европейскихъ фабрикъ,—если-бы все это человѣчество объединилось въ общей борьбѣ съ угнетателями—романогерманцами, то, надо думать, ему рано или поздно удалось-бы свергнуть ненавистное иго и стереть съ лица земли этихъ хищниковъ и всю ихъ культуру. Но какъ организовать такое возстаніе, не есть-ли это несбыточная мечта? Чѣмъ внимательнѣе мы будемъ всматриваться въ этотъ планъ, тѣмъ яснѣе станетъ для насъ, что онъ невыполнимъ, и что, если это есть единственный способъ борьбы съ всеобщей европеизаціей, то борьба эта просто невозможна.

Дѣло, однако, не такъ безнадежно. Мы сказали выше, что однимъ изъ главныхъ условій, дѣлающихъ всеобщую европеизацію неизбежной, является эгоцентризмъ, проникающій собою всю культуру романогерманцевъ. Надѣяться на то, что романогерманцы сами исправятъ этотъ роковой недостатокъ своей культуры, конечно, невозможно. Но европеизированные не-романо-германскіе народы при восприниманіи европейской культуры вполне могутъ очищать ее отъ эгоцентризма. Если

это удастся имъ, то заимствованіе отдѣльныхъ элементовъ романогерманской культуры не будетъ уже имѣть тѣхъ отрицательныхъ послѣдствій, о которыхъ мы говорили выше, и только обогатитъ національную культуру названныхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и народы, о которыхъ идетъ рѣчь, сталкиваясь съ европейской культурой, будутъ свободны отъ предразсудковъ, заставляющихъ видѣть во всѣхъ элементахъ этой культуры нѣчто абсолютно высшее и совершенное, то имъ не зачѣмъ будетъ заимствовать непременно всю эту культуру, нечего будетъ стремиться искоренять свою туземную культуру въ угоду европейской; наконецъ, не отъ чего будетъ смотрѣть на самихъ себя, какъ на отсталыхъ, установившихся въ своемъ развитіи представителей человеческого рода. Смотри на романогерманскую культуру лишь какъ на одну изъ возможныхъ культуръ, они возьмутъ изъ нея только тѣ элементы, которые имъ понятны и удобны, и въ дальнѣйшемъ будутъ свободно измѣнять эти элементы, примѣнительно къ своимъ національнымъ вкусамъ и потребностямъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какъ оцѣнять эти измѣненія романогерманцы со своей эгоцентрической точки зрѣнія.

Что такой оборотъ дѣла, по существу, вполне мыслимъ и возможенъ, — не можетъ быть сомнѣнія. Противъ возможности его нечего ссылаться на историческіе примѣры. Дѣйствительно, исторія учитъ насъ, что на такой трезвой точкѣ зрѣнія, по отношенію къ романогерманской культурѣ, ни одинъ европеизированный народъ до сихъ поръ не могъ удержаться. Многіе народы, заимствуя европейскую культуру, первоначально собирались взять изъ нея лишь самое необходимое. Но въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія всѣ они постепенно поддавались гипнотизму романогерманскаго эгоцент-

ризма и, забывши свои первоначальныя намѣренія, стали заимствовать все безъ разбора, поставивъ себѣ идеаломъ полное приобщеніе къ европейской цивилизаціи. Петръ Великій въ началѣ своей дѣятельности хотѣлъ заимствовать у „нѣмцевъ“ лишь ихъ военную и мореплавательную технику, но постепенно самъ увлекся процессомъ заимствованія и перенялъ многое лишнее, не имѣющее прямого отношенія къ основной цѣли. Все-же онъ не переставалъ сознавать, что рано или поздно Россія, взявъ изъ Европы все, что ей нужно, должна повернуться къ Европѣ спиной и продолжать развивать свою культуру свободно, безъ постоянного „равненія на западъ“. Но онъ умеръ, не подготовивъ себѣ достойныхъ преемниковъ. Весь восемнадцатый вѣкъ прошелъ для Россіи въ недостойномъ поверхностномъ обезьянничаніи съ Европы. Къ концу этого вѣка умы верховъ русскаго общества уже пропитались романогерманскими предразсудками, и весь девятнадцатый и начало двадцатаго вѣка прошли въ стремленіи къ полной европеизаціи всѣхъ сторонъ русской жизни, причемъ Россія усвоила именно тѣ приемы „скачущей эволюціи“, о которыхъ мы говорили выше. На нашихъ глазахъ та-же исторія готова повториться въ Японіи, которая первоначально хотѣла заимствовать у романогерманцевъ лишь военную и флотскую технику, но постепенно въ своемъ подражательномъ стремленіи пошла гораздо дальше, такъ что въ настоящее время значительная часть „образованнаго“ общества и тамъ усвоила методы романогерманскаго мышленія; правда, европеизація въ Японіи до сихъ поръ еще умѣрялась здоровымъ инстинктомъ національной гордости и приверженностью къ историческимъ традиціямъ, — но, кто знаетъ, долго ли удержатся японцы на этой позиціи.

И все-же, даже если признать, что предлагаемое нами рѣшеніе вопроса до сихъ поръ не имѣло историче-

сихъ прецедентовъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самое рѣшеніе было невозможно. Все дѣло заключается въ томъ, что до сихъ поръ истинная природа европейскаго космополитизма и другихъ европейскихъ теорій, основанныхъ на эгоцентрическихъ предразсудкахъ, осталась не раскрытой. Не сознавая всей неосновательности эгоцентрической психологіи романогерманцевъ интеллигенція европеизированныхъ народовъ, т. е. та часть этихъ народовъ, которая наиболѣе полно воспринимаетъ духовную культуру романогерманцевъ, до сихъ поръ не умѣла бороться съ послѣдствіями этой стороны европейской культуры и довѣрчиво шла за романогерманскими идеологами, не чувствуя подводныхъ камней на своемъ пути. Вся картина должна кореннымъ образомъ измѣниться, лишь только эта интеллигенція начнетъ сознательно относиться къ дѣлу и подходить къ европейской цивилизаціи съ объективной критикой.

Такимъ образомъ, весь центръ тяжести долженъ быть перенесенъ въ область психологіи интеллигенціи европеизированныхъ народовъ. Эта психологія должна быть кореннымъ образомъ преобразована. Интеллигенція европеизированныхъ народовъ должна сорвать со своихъ глазъ повязку, наложенную на нихъ романогерманцами, освободиться отъ навожденія романогерманской идеологіи. Она должна понять вполне ясно, твердо и безповоротно :

что ее до сихъ поръ обманывали ;

что европейская культура не есть ничто абсолютное, не есть культура всего человѣчества, а лишь созданіе ограниченной и опредѣленной этнической или этнографической группы народовъ, имѣвшихъ общую исторію ;

что только для этой опредѣленной группы народовъ, создавшихъ ее, европейская культура обязательна ;

что она ничѣмъ не совершеннѣе, не „выше“ всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой, ибо „вышихъ“ и „низшихъ“ культуръ и народовъ вообще нѣтъ, а есть лишь культуры и народы болѣе или менѣе похожіе другъ на друга;

что, поэтому, усвоеніе романогерманской культуры народомъ, не участвовавшимъ въ ея созданіи, не является безусловнымъ благомъ и не имѣетъ никакой безусловной моральной силы;

что полное, органическое усвоеніе романогерманской культуры (какъ и всякой чужой культуры вообще), усвоеніе, дающее возможность и дальше творить въ духѣ той же культуры нога въ ногу съ народами, создавшими ее, — возможно лишь при антропологическомъ смѣшеніи съ романогерманцами, даже лишь при антропологическомъ поглощеніи даннаго народа романогерманцами;

что безъ такого антропологическаго смѣшенія возможенъ лишь суррогатъ полнаго усвоенія культуры, при которомъ усваивается лишь „статика“ культуры, но не ея „динамика“, т. е. народъ, усвоивъ современное состояніе европейской культуры, оказывается неспособнымъ къ дальнѣйшему развитію ея и каждое новое измѣненіе элементовъ этой культуры долженъ вновь заимствовать у романогерманцевъ;

что при такихъ условіяхъ этому народу приходится совершенно отказаться отъ самостоятельнаго культурнаго творчества, жить отраженнымъ свѣтомъ Европы, обратиться въ обезьяну, непрерывно подражающую романогерманцамъ;

что вслѣдствіе этого данный народъ всегда будетъ „отставать“ отъ романогерманцевъ, т. е. усваивать и воспроизводить различные этапы ихъ культурнаго развитія всегда съ извѣстнымъ запозданіемъ и окажется, по отно-

шенію къ природнымъ „европейцамъ“, въ невыгодномъ, подчиненномъ положеніи, въ матеріальной и духовной зависимости отъ нихъ;

что, такимъ образомъ, европеизація является *безусловнымъ зломъ* для всякаго не-романогерманскаго народа;

что съ этимъ зломъ можно, а слѣдовательно, и надо бороться всѣми силами. Все это надо сознать не внѣшнимъ образомъ, а внутренно; не только сознать, но прочувствовать, пережить, выстрадать. Надо, чтобы истина предстала во всей своей наготѣ, безъ всякихъ прикрасъ, безъ остатковъ того великаго обмана, отъ котораго ее предстоитъ очистить. Надо, чтобы ясной и очевидной сдѣлалась невозможность какихъ бы то ни было компромиссовъ: борьба, такъ борьба.

Все это предполагаетъ, какъ мы сказали выше, полный переворотъ, революцію въ психологіи интеллигенціи не-романогерманскихъ народовъ. Главную сущностью этого переворота является сознаніе относительности того, что прежде казалось безусловнымъ: благъ европейской „цивилизациі“. Это должно быть проведено съ безжалостнымъ радикализмомъ. Сдѣлать это трудно, въ высшей степени трудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *безусловно необходимо*.

Переворотъ въ сознаніи интеллигенціи не-романогерманскихъ народовъ неизбѣжно окажется роковымъ для дѣла всеобщей европеизаціи. Вѣдь до сихъ поръ именно эта интеллигенція и была проводникомъ европеизаціи, именно она, увѣровавши въ космополитизмъ и „блага цивилизаціи“ и сожальѣя объ „отсталости“ и „косности“ своего народа, старалась пріобщить этотъ народъ къ европейской культурѣ, насильственно разрушая всѣ вѣками сложившіеся устои его собственной, самобытной культуры. Интеллигенты европеизированныхъ на-

родовъ шли и дальше въ этомъ направленіи и занимались привлеченіемъ къ европейской культурѣ не только своего народа, но и его сосѣдей. Такимъ образомъ, они были главными агентами романогерманцевъ. Если теперь они поймутъ и глубоко осознаютъ, что европеизація есть безусловное зло, а космополитизмъ — наглый обманъ, то они перестанутъ помогать романогерманцамъ, и триумфальное шествіе „цивилизации“ должно будетъ прекратиться: одни романогерманцы безъ поддержки уже европеизированныхъ народовъ будутъ не въ состояніи продолжать дѣло духовнаго порабощенія всѣхъ народовъ міра. Вѣдь, сознавши свою ошибку, интеллигенты уже европеизированныхъ народовъ не только перестанутъ помогать романогерманцамъ, но и постараются помѣшать имъ, раскрывая глаза и другимъ народамъ на истинную сущность „благъ цивилизації“.

Въ этой великой и трудной работѣ по освобожденію народовъ міра отъ гипноза „благъ цивилизації“ и духовнаго рабства интеллигенція всѣхъ не-романогерманскихъ народовъ, уже вступившихъ, или намѣреющихся вступить на путь европеизації, должна дѣйствовать дружно и заодно. Ни на мигъ не надо упускать изъ виду самую суть проблемы. Не надо отвлекаться въ сторону частнымъ націонализмомъ или такими частичными рѣшеніями, какъ панславизмъ и всякіе другіе „панизмы“. Эти частности только затемняютъ суть дѣла. Надо всегда и твердо помнить, что противопоставленіе славянъ германцамъ или туранцевъ арійцамъ не даютъ истиннаго рѣшенія проблемы, и что истинное противопоставленіе есть только одно: романогерманцы — и всѣ другіе народы міра, *Европа и Человѣчество*.
